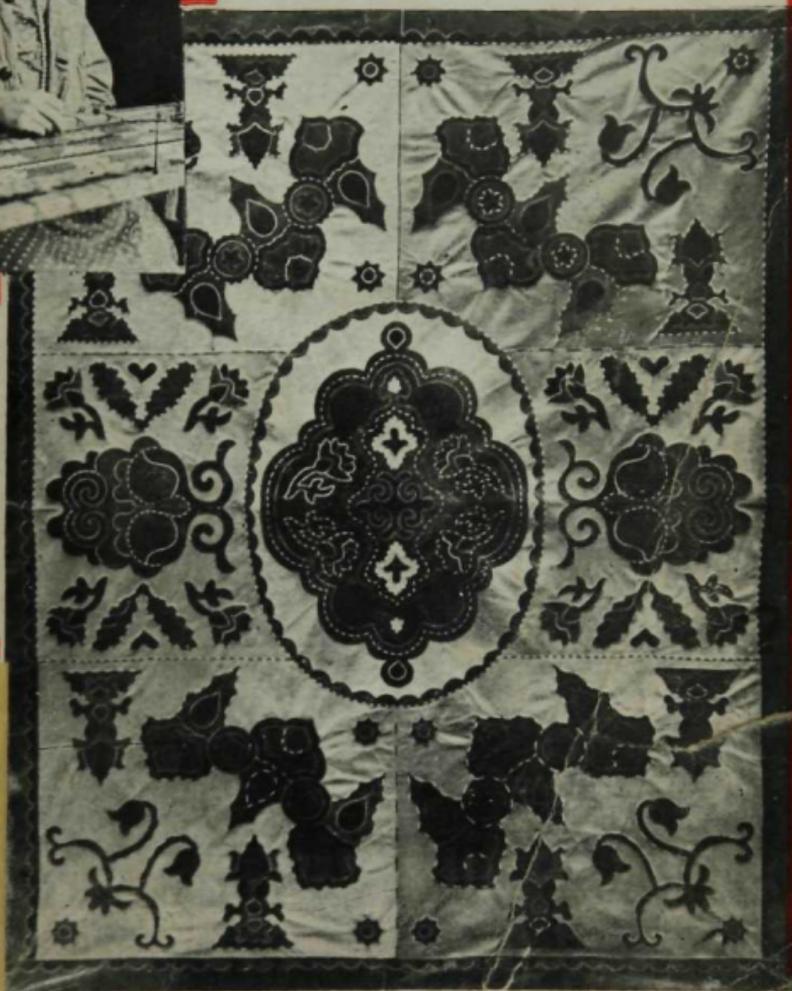

Г. Залкинд

КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ТАТАРСТАНА

Татарский
Научно-
Исследовательский
Экономический
Институт

Q. M. ZALKIND

TATARSTANNŪN KUSTARCILBQ SƏNAQIƏTE

I

Ajaq h m bař kiemn re eřl p c garun n moņar q d r buloņan
x le

Г. М. ЗАЛКИНД

КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ТАТАРСТАНА

I

История и процесс производства обуви и головных уборов

Художественная редакция издания
П. М. Дульского

В кооперативной артели по производству ковров (1930 г.). Рис. А. А. Шишова-Лукинского.

Приступая к изучению одного из старейших и распространенных, особенно в прошлом, промыслов Татарии — производству казанско-татарской обуви и головных уборов, мы не можем пройти мимо той принципиальной установки о характере и значении кустарной промышленности в условиях капиталистического строя, которая была дана В. И. Лениным еще в 1907 г. Давая беспощадную критику народническим теориям развития капитализма в России, В. И. Ленин писал: «Кустарная промышленность рассматривалась (народниками—Г. З.), как нечто экономически однородное, само себе равное, и противопоставалась (sic) «капитализму», под которым без дальних околичностей разумели «ф.-заводскую» промышленность... И на основании столь глубокого «анализа» со счета капитализма скидываются те массы капиталистически занятых рабочих, которые

попадают в число «кустарей». На основании такого «анализа» совершенно обходится вопрос о различных формах промышленности в России. На основании такого «анализа» складывается один из самых нелепых и вредных предрассудков о противоположности нашей «кустарной» и нашей «ф.-заводской» промышленности, об оторванности второй от первой, об «искусственности» «ф.-заводской» промышленности и т. п. Это именно предрассудок, потому, что никто никогда и не пытался даже прикоснуться к данным, которые по всем отраслям промышленности показывают самую тесную и неразрывную связь между «кустарной» и «ф.-заводской» промышленностью».¹

Считая далее самый термин «кустарная промышленность» крайне неудачным и называя эту форму промышленного развития в России «капиталистической работой на дому», В. И. Ленин устанавливает следующие характерные особенности последней:

а) обилие посредников между капиталистом и работником при домашней работе; б) система наиболее напряженной эксплуатации; в) частая расплата не деньгами, а припасами; г) антигигиеническая обстановка работы; д) непомерная длина рабочего дня; е) привлечение к производству женщин и детей с самого раннего возраста и т. д.

«Одна из наиболее вредных сторон капиталистической работы на дому,—подчеркивает В. И. Ленин,—состоит в том что она ведет к понижению уровня потребностей работников. Предприниматель получает возможность выбирать себе рабочих в таких захолустьях, где жизненный уровень населения стоит особенно низко и где связь с землею позволяет работать за бесценок»...²

Все эти характерные особенности капиталистической работы на дому с особенной выпуклостью проявлялись в изучаемом нами промысле. Изучая историю производства и торговли казанско-татарской обувью и головными уборами, мы вскрываем все отвратительные эксплуататорские приемы русского и татарского торгового и промышленного капитала, которые более чем двести лет практиковались в этой отрасли местной мелкой промышленности. С другой стороны, устанавливая, что участие женщины-татарки в этих промыслах распространено с древнейших времен, мы позволяем себе надеяться, что наши материалы

и некоторые выводы из них окажутся не бесполезными для истории женского труда в местном крае и в частности для тех хозяйственных и общественных учреждений и организаций, которые, в порядке развертывания социалистического строительства ведут большую работу по кооперированию и технической реорганизации этих промыслов как в целях чисто хозяйственных, так и в целях экономического раскрепощения женщины-татарки.

Еще и сейчас мелкая кустарно-ремесленная промышленность и кустарно-промысловая кооперация имеют во всей системе народного хозяйства СССР то дополнительное к крупной социалистической государственной промышленности значение, которое XV съезд ВКП(б) оценил следующим образом:

«При составлении пятилетнего плана необходимо иметь в виду развитие мелкой местной промышленности, кустарной и ремесленной, каковая, служа в настоящее время совершенно необходимым дополнением крупной государственной промышленности, способствует изживанию товарного дефицита и смягчению безработицы.... Особое внимание при составлении пятилетнего плана должно быть уделено развитию мелкой и кустарной промышленности окраин, в частности национальных республик и областей». (Из резолюции XV партийного съезда ВКП(б). «О пятилетнем плане народного хозяйства»).

Бурный рост социалистического строительства в СССР обгоняет ранее намечанные планы. Безработица у нас не только изжита, но мы имеем дефицит в трудовых кадрах по линии разнообразных отраслей хозяйства. Мощный рост колхозного движения на сегодняшний день уже ставит перед системой кустарно-промысловой кооперации новые задачи, требует перестройки работы на началах коллективизации: организации артелей с общей мастерской, с законченным производством, где обобществляются орудия и средства производства и где вся прибыль, за покрытием расходов на зарплату и издержки предприятия, идет в неделимые капиталы промкооператива—промколхоза.

А этим процессом перестройки промкооперации мы подготовим и осуществим в ней переход от мелкого, малопродуктивного к крупному, высокопродуктивному социалистическому предприятию.

КАК РАЗВИВАЛОСЬ ПРОИЗВОДСТВО
КАЗАНСКО-ТАТАРСКОЙ ОБУВИ
И ГОЛОВНЫХ УБОРОВ.

Почти полвека тому назад (1886 г.) мастер-кожевник и казанский публицист М. А. Рылов, в газете «Волжский Вестник», в статье «Забывтая отрасль труда» писал: «Многие ли знают, чьи руки выделывают казанскую азиатскую обувь и ценою какого труда и каких лишений выпускаются в свет эти предметы мусульманского вкуса и восточной роскоши».³ Этот вопрос до некоторой степени не устарел и теперь. Если это производство в наше время нельзя уже назвать «забытой отраслью труда», то все же основные массы трудящихся почти незнакомы с техникой, экономикой, культурой и бытом, характерными для этого производства. И нет никаких сомнений, что именно незнакомство с производством способствует тому, что оно в организационном и техническом отношении продолжает еще сохранять много черт старых, отживших форм.

Как давно и в каких условиях возникло «художественно-кустарное» производство, которое чаще всего известно под именем вышивания ичег и «азиатских» головных уборов?

Для вполне удовлетворительного ответа на этот вопрос мы пока располагаем еще недостаточным количеством исторических сведений. Наши розыски в этом отношении приводят пока к следующим результатам.

Уже более тысячи лет тому назад, Волжские болгары, — как пишет М. Чулков, автор старейшей «Истории российской коммерции», — «во вспомоществование произведимой ими коммерции, весьма склонны были к мануфактурам, а особливо с великим искусством и превосходством против других выделывались у них кожи, и от того самого Российской Юфть и до ныне называется у Бухарцев Булгар, т. г. и Турки сим же именем Сафьян свой называют и

Arkesi 11.11.1929

словом все Азиатские купцы выделанные кожи Булгары, т. е. товар Болгарский имянуют. По сему Казанские Сафьяны и ныне превосходнейшими почитаются. В несомненное доказательство бывших юфтяных заводов у Волгаров служит сие, что когда великий князь Владимир Святый победил Волгар, тогда Добрыня, полководец его, осмотрев оных пленников, донес ему, что они суть все в сапогах (Русская Летопись, по Никон. Спис., стр. 68), то дани нам с них не взять, а пойдем искать лучше лапотников».⁴

Высококачественное и с промышленными целями производство сафьяна в древнем Булгаре, а также широкое употребление в быту у болгар сапог, дают нам несколько оснований для предположений, что как производство ичег (сапог), так и вышивка их существовали в Булгаре еще в те отдаленные времена. Первые вполне определенные сведения о производстве вышитой татарской обуви — ичег и головных уборов рисуют нам акты, описи и др. исторические русские памятники XVI—XVII ст., а также записки путешественников того времени: Олеария, Барберини, Флетчера и др. К этому времени в обиходе русских служилых людей и бояр прочно укрепляются, перенятые от волжских татар, формы обуви и головных уборов. Н. Костомаров, в своем очерке домашней жизни и нравов великоруссов в XVI и XVII ст., отмечает, что «обувь людей с недостатками составляли сапоги, чоботы, башмаки и ичетыги... или ичеготы, иначе ноговицы (ныне еще употребляют кое-где эту старую, заимствованную от татар обувь под именем ичег и ноговиц): это были сафьяновые чулки и разделялись на два вида: полные, достигавшие до колен, или полуполные... сапоги, чоботы, башмаки, ичетыги были всегда цветные, чаще всего красные и желтые — иногда зеленые, голубые, лазоревые, белые, телесного цвета; они расшивались золотом, особенно в верхних частях на голенищах, с изображениями единорогов, листьев, цветов и проч. и унизывались жемчугом; особенно женские башмаки украшались так густо, что не было видно сафьяну».⁵

На рисунке, приложенном к изданию 1556 г. путешествия Герберштейна в Московию, совершенно отчетливо видны узоры, которыми расшивались носимые русскими ичетыги, сапоги, кожаные седла и др. вещи обихода.

орнаментика которых очень близка к той, которую мы и теперь встречаем на соответствующих татарских изделиях.⁶

То же самое мы наблюдаем и в отношении типа головных уборов, называвшегося у татар тафья, а у москвитов — тафья. «Зажиточные люди, — пишет Костомаров, — следуя восточным обычаям, укоренившимся в России, носили маленькие шапочки, называемые тафьями, прикрывавшие только макушку, расшитые шелками, а у богатых — золотом и унизанные жемчугом. Их носили и в комнате, а царь Иван Грозный ходил в ней в церковь и за это поссорился с митрополитом Филиппом».⁷

Первые сведения о производстве расшитых ичег и головных уборов у волжских татар мы встречаем только у путешественников по России в конце XVIII ст. — «Очень многие сапожничают», — говорит о казанских и оренбургских татарах И. Георги (1774 г.), — «и шьют одну только козловую обувь, которую украшают отчасти и золотыми узорами».⁸ «У них встречаются полусапожки, швы и задники которых так богато вышиты золотом и серебром, что пара их стоит от 20 до 25 руб.»... «Скуфейки сплетают из волос, а иногда и золотом вышивают... Простые женщины... голову покрывают шапками, унизанными бисером».⁹ Вышивка обуви и головных уборов в это время была известна и соседям татар — киргизам, о которых Георги писал: «у полусапогов их каблуки долгие и вострые, носки вострые же, и они под подошвами усыпаны гвоздями. Шов нередко строчат и золотом... Нижняя шапочка или скуфейка вышита и востра».¹⁰

О рыночной цене подобных изделий сведения встречаются еще в 1803 г., в описи имущества умершего казанской первой гильдии купца Гаврилы Петровича Каменева. В этой описи «одни ичетки и туфли зеленого сафьяна шитые золотом» были оценены в 10 руб.¹¹

О том, что вышивка ичег и головных уборов составляла основную отрасль промышленного труда женщины у татар, впервые в печати сообщил известный казанский ученый профессор Карл Фукс. В его сочинении по статистике и этнографии казанских татар (1844 г.) читаем, что «татарки большие рукодельницы: скатерти, платки и полотенца их работы очень красивы. Ежели у них гости, или кто из посторонних, то все их рукоделье вывешивается по

стенам на веревочках и столы покрываются разноцветными скатертями».¹³ Татарки (из трудящихся слоев населения Казани («третий разряд»), «занимаются рукоделием», не для домашних украшений, а в виде промысла: «из них есть хорошие портные, золотошвейки, которые вышивают превосходно тебетейки, нижут их жемчугом и украшают камнями также башмаки, ичег, стоящие иногда до пяти-сот рублей».¹⁴ Определяя характер и стоимость татарско-казанского костюма для 40-х годов прошлого столетия, Фукс приводит следующие данные: «тебетей (такъ я), вышитая золотом; богатая в 60 рублей, обыкновенная в 5 рублей»;¹⁴ для женщин—«колпак шелковый с бахрамой и позументом, ценою в 50 рублей... ичиги (читык) ботинки сафьяные, искусно выстроченные шелком, красные, желтые и зеленые, ценою в 9 рублей; шитые золотом, ценою от 18 до 30 рублей... туфли, из красного сафьяна, шитые золотом, ценою от 7 до 10 рублей...».¹⁵ Рыночную цену и качество мужских ичег в 1843 г., сообщает в своих путевых записках, проезжавший через Казань, немецкий ученый барон Август Гакстгаузен: «Казанские татары,—пишет он,—ведут торговлю большею частью татарскими произведениями. Казанские сапоги очень хороши. Мы видели сапоги, хорошо вышитые золотом и серебром; пара их на месте стоит 65 руб. ассигнациями».¹⁶

В первой половине XIX ст. мы наблюдаем в Казани существование мануфактурной формы организации ичечно-тюбетеечного производства. Еще дома обученные «шитью, вышиванию ичиг и тюбетеек, со всеми, по азиатскому вкусу, узорами» девушки-татарки,—как пишет историк Казани К. Рыбушкин,¹⁷—продавали свой труд вышивальщиц не только мелкому посреднику-подрядчику или торговцу, но даже крупному эксплуататору-мануфактуристу.

Так, в 40-х годах в Казани были две мануфактуры, производившие ичег в широких размерах. О них К. Фукс сообщает следующее: «Немаловажными из их фабрик почитаются 2-х купцов Абдуллина и Файзуллина, где в большом количестве вышиваются шелком и золотом так называемые ичег, или ботинки. Этою работою занимаются не только татарские женщины, но и весьма многие русские

девушки. Кроме этих двух больших фабрик, вышиванием ичег занимаются многие татары».¹⁸

С именем одного из этих фабрикантов, Файзуллина, связано следующее предание: «Азиатская обувь, по словам крупного в Казани торговца, М. И. Галеева (1896 г.), получила свое название от того, что первоначальные образцы были привезены из Азии. В 1790-х годах казанский, популярный в то время, чеботарь—Мустафа Файзуллин, бывши по делам в Сеитском Посаде, Оренбургской губернии, купил для образца бухарской работы мужские с галошами ичег и по приезде своем в Казань, подражая купленному образцу, начал работать мужскую и женскую обувь, а за ним последовали и другие». И этот легендарный образец еще в 1886 г. сохранялся под стеклянным колпаком в магазине Галеева в Казани.¹⁹

Вполне возможно, что предание построено на известной доле истины и что Файзуллиным были в конце XVIII в. выпущены на рынок ичег нового, туркестанского (азиатского) образца. Сам же Мустафа Файзуллин действительно проживал в Казани и в 1840 г. уже числился купцом 3-й гильдии.²⁰

Каковы были размеры производства и сколько было рабочих на двух упомянутых мануфактурах, мы пока не знаем, но полагаем, что в архивах ТССР эти сведения все же можно будет разыскать.

Помимо этих двух фабрикантов, в 40-х годах в Казани пользовались известностью еще 6 следующих ремесленников, производивших ичег: Апсалямов (жил в 3 части, 1 квартале, в д. Шафеева); Рахманкулов (соб. дом там же); Сагитов (соб. дом там же); Гайсин (д. Сулейманова там же); Абдрахманов (соб. дом там же) и Семенов (ж. 4 ч. 3 кв. соб. д.). Фамилия последнего мастера свидетельствует о том, что в это время ичегное производство начинало заинтересовывать и русских ремесленников.²¹

Каковы были условия труда лиц, занятых в этом производстве в 40-х годах? По Казани нам пока неизвестны соответствующие данные. Зато для описываемого времени мы имеем ценные данные для подобного же производства в г. Торжке, Тверской губернии, собранные уже упомянутым выше А. Гакстаузенем. Полагаем, что в силу существования в то время уже широкого рынка для сбыта этих

изделий и большой конкуренции производителей, торжковские данные могут нам дать приблизительное представление и о казанских условиях этого производства. Прежде всего, любопытно указание Гакстгаузена на определенно татарское происхождение торжковского золотощвейного по коже производства. «Торжок есть пункт очень обширной торговли кожевенными изделиями,—пишет он. Самая кожа в большинстве случаев обрабатывается не тут, а привозится из Петербурга или Казани. Тут преимущественно делают из цветного сафьяна сапоги, башмаки, туфли, кошельки и пр.—простые и вышитые золотом и серебром. Эти щеголеватые изделия собственно не русского происхождения. Русские научились им от татар, но теперь превзошли их в этом искусстве. Доказательством татарского происхождения этих работ служит и то, что здесь до сих пор сапоги эти называют—казанские сапожки».²²

Такие же соображения о казанско-татарском происхождении торжковского производства были впоследствии высказаны известной исследовательницей кустарных промыслов С. А. Давыдовой. Посетив Торжок в 1836 г., она писала: «чрезвычайно точное и определенное название «казанская или татарская работа в тачку» не оставляет никаких сомнений относительно происхождения промысла. Кто, однакоже, впервые занес его в Торжок и к какому времени можно отнести развитие его до степени вполне организованной промышленности, вот что пока еще остается совершенно неизвестным».²³

Характеризуя экономику торжковского производства, Гакстгаузен отметил следующие моменты: «Полицейстер водил нас по многим домам, где мы могли видеть самую работу и собрать сведения о положении рабочих. Женщина или девушка зарабатывает на шитье золотом обыкновенно 28 коп. сер. в день, в длинный же летний день или при усиленной работе может заработать вдвое больше. Фабрикант дает им совсем скроенную кожу на пару женских сапожек или они сами покупают ее за 28 к. сер. Золотые и серебряные нитки они покупают сами. Золотник золотых ниток стоит 35 коп. сер. На пару сапожек на круг выходит менее золотника. Работа ценится, смотря по трудности рисунка, от 10, 15 и до 30 коп. сер. за пару. После этого фабрикант пришивает к ним подошву и таким

образом пара сапожек обходится ему самое большее от 1 руб. до 1 руб. 15 коп. сер.;—продает же он их тут же в лавке по 2 руб. 30 коп. и 2 руб. 85 коп. сер.—Рабочие мужчины нанимаются к фабриканту по контракту, государственные крестьяне сами от себя, а крепостные закон-трактовываются помещиками. Обыкновенный рабочий получает, кроме еды и помещения (отапливаемого зимой), летом по 4 коп. сер., зимой 8 коп. сер. в день, не исключая воскресений и праздников. Лучшие работники получают и более». ³⁴

Таким образом, торжковские мануфактуристы получали от 100 до 150% барыша на этом производстве. Описанные Гакстгаузенем условия труда торжковских мастеров и мастериц были, вероятно, типичными только для наиболее обеспеченной группы работников, ибо полицеймейстер, ездивший вместе с Гакстгаузенем, не рискнул бы показать ему быт местной бедноты.

В 1861 г. Лаптев в своем описании Казанской губернии уже не упоминает о «фабрикантах» ичег, а сообщает, что в Казани в это время было 5 лавок, торговавших ичегами на 25 тысяч рублей в год. ³⁵ Около этого же времени по официальным данным в г. Казани считалось в числе ремесленников сапожного цеха 10 мастеров ичеточников с 3 учениками. ³⁶

В 1874 г. Е. Соловьев в общем числе 3.706 чел. ремесленников г. Казани насчитывал «35 человек, работающих ичеги для татар» с суммой годового заработка для каждого от 200 до 300 рублей. ³⁷

Но все эти сведения мы должны считать далеко не точными и значительно преуменьшенными, т. к. уже в 1883 г. С. Монастырский в своем путеводителе по Волге отметил, что «азиатская обувь готовится на фабрике гатарина Галеева; рабочих 600, годовое производство 100.000 руб». ³⁸

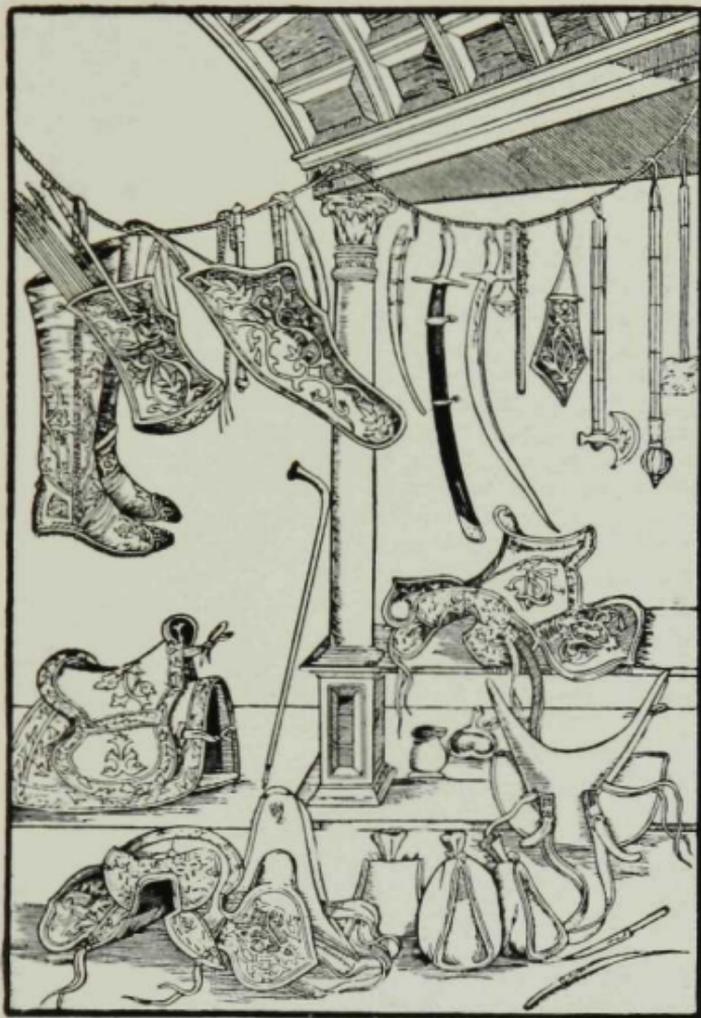
Мухамедзян Ибнияминович Галеев, казанский купец, был в полном смысле королем ичежного производства в пору расцвета этой отрасли промышленности, в 60—70 годах прошлого столетия. Он торговал в Казани на Сенной, в трех лавках общественного корпуса (№ 35, 36 и 37) и в отделениях фирмы на ярмарках: Троицкой, Нижегородской, Мензелинской, Ирбитской, Симбирской и Крестовской. Кроме того, товар его отправлялся

им в Петербург, Москву и во все большие города Сибири и Азии. В 1890 г. им экспонировалась на Казанской научно-промышленной выставке «азиатская» обувь ценою от 80 коп. до 8 руб. пара и вышитые седла по 120 руб. В это время производственное сырье (кожи) он закупал не только в Казани, но в Персии, Ташкенте, Петербурге, Москве и за границую. В 1890 г. у него работало 80 человек мужчин, 200 женщин, 30 учеников и 60 учениц, получавших поденную плату: «мужчины от 30 до 70 коп.; женщины от 20 до 40 коп., а ученики и ученицы от 10 до 20 коп.». В 1890 г., по его сведениям, им выпускалось в продажу обуви на 30.000 рублей. Такое снижение размеров производства по сравнению с 80-ми годами (100.000) объясняется общим упадком к этому времени казанской промышленности в силу общей экономической депрессии. Эта депрессия сказалась и на ижежном производстве. «За последние 10 лет,—пишет составитель каталога научно-пром. выставки,—вследствие неблагоприятных для Казани экономических условий, оборот (по торговле «азиатской» обувью.—Г. З.) постепенно уменьшался и в настоящее время составляет только $\frac{1}{4}$ прежнего». «Продукция» фирмы Галеева была высокого качества и награждалась медалями и дипломами даже на международных выставках.³⁹ Но тяжелые условия труда у Галеева, его неумолимая потогонная система, стяжавшая ему капитал и почетные дипломы и медали, еще живы в памяти казанских ижежников. Фирма Галеева существовала с 1860 г. по 1917 г. С 1877 г. у Галеева появился крупный конкурент в лице купца Егора Мелькумовича Мелькумова, который тоже организовал в г. Казани ижежное производство в общей мастерской, в которой в 1886 г. работало до 200 человек и помимо них еще значительное число крестьян соседних деревень. Производство Мелькумова достигало 80.000 пар в год на сумму до 40.000 рублей и имело широкий рынок сбыта.⁸⁰

Более подробные и точные сведения о размерах и характере ижежного производства в 1880-х годах мы находим в упомянутой выше статье кожевенного мастера Рылова. В 1886 г. Рылов писал, что «фирм, занимающихся приготовлением и сбытом ижег в Казани, по частным сведениям, насчитывается одних только крупных—до десятка. Торговля эта в Казани группируется, главным образом,

на Сенной площади. Здесь имеется девять магазинов и лавок с этого рода произведениями, и только одна лавка,— Хворова,—поместилась на Толчке. Все производство... сосредоточивается в руках местных татар, за исключением одного армянина (на Сенной) и вышеупомянутого русского—г. Хворова. Сбыт произведений не ограничивается одной Казанью. Ичег сбыгаются в ярмарках: Нижегородской, Мензелинской, Ирбитской и других. Отсюда идут они в далекие восточные окраины с мусульманским населением,—именно, в Сибирь, в Закавказье, в Туркестан; затем—в Бухару, Хиву и т. д. Количество разных сортов ичег, приготовляемых в Казани, доходит слишком до 3.000.000 пар. Сумма ценности этого производства может быть определена не менее 5.000.000 руб. в год (верных статистических данных мы собрать не могли, т. к. официальных данных не существует, а торговцы весьма неохотно сообщают требуемые сведения). Между тем на Казанской ремесленной и сель-хоз. выставке (1886 г.—Г. З.) фигурировали только трое экспонатов из крупных торговцев азиатской обувью, а в списке ремесленных заведений г. Казани, изданном Комитетом выставки, даже вовсе не значится такого крупного отдела местной промышленности, каким является производство азиатской обуви. Но этот вид местной промышленности не выдуман нами. Он существует в действительности, притом с миллионным оборотом и занимая собой рабочие силы приблизительно до 2.000 женщин и до 500 мужчин».³¹

Число лиц, занятых в ичегном промысле, в 80-х годах, было не менее 2.500 человек. Значительное число работавших ичегу всегда встречалось среди крестьянской татарской бедноты. В 1885 году, в списке населенных мест Казанского уезда, Износков отмечает: «Ковалинская волость... д. Большие Ковали 160 дворов... живут бедно... промыслы... башмачный—18 дворов... (зарабатывают в год.—Г. З.) 800 рублей»... «д. Ковали Малые, 39 дворов... живут бедно» заняты башмачным промыслом 2 двора с заработком в 50 руб. В д. Кулька-Куяк—из 37 дворов, живших посредственно, 4 занимались этим промыслом с заработком в 75 рублей. В д. Мазяр из 71 двора бедняков, 17 были заняты промыслом и зарабатывали 740 руб. В дер. Мендели из 135

Ичег, седла и другие расшитые кожаные изделия татарского образца, употреблявшиеся в Московии XVI ст. (из латинского издания „Записок“ Герберштейна, 1556 г.)

дворов—3 двора зарабатывали 120 руб. В д. Чуваш из 127 дворов—9 дворов зарабатывали 450 руб. В д. Юртуш из 141 двора—3 сапожничали и зарабатывали 220 руб.³³

Отсюда следует, что в одной только Ковалинской волости, Казанск. у., из общего числа крестьянских дворов 780—7,2⁰/₀ занимались ичежным промыслом со средним годовым заработком двора в 44 рубля в год.

Дальнейший рост ичежного производства характеризуется следующими сведениями. В 1896 году Казанское отделение Русского Технического Общества для участия своего во Всероссийской Нижегородской выставке составило карту кустарных промыслов б. Казанской губернии и собрало между прочим такие сведения о размерах производства в Казани вышитой обуви и головных уборов:

«Несколько тысяч мастериц в Казани и уезде работают день и ночь и ежегодно доставляют в магазины по сотни тысяч уборов и обуви. По словам торговцев, обуви ежегодно заготавливается около 50 тысяч пар из каждого сорта в каждый магазин, и столько же, если не больше, головных уборов. Вышиванием тех и других занимаются только женщины как русские, так и татарки (мужчины занимаются только выкройкой ичег). Число работниц по вышиванию обуви и головных уборов в Казани насчитывается более двух тысяч, они рассеяны в следующих местностях: Новой и Старо-Татарской, Суконной, Кизической слободе, Адмиралтейской, Игумновой, а в Казанском уезде их насчитывается свыше десяти тысяч».³³

Итак, общее число рабочих, занятых в этих промыслах, к концу XIX ст. достигало весьма внушительной цифры—12.000 человек. Последующие сведения о промысле, собранные Казанским губернским земством в 1904—1905 г., очень расплывчаты и повторяют в общем сведения 90-х годов.³⁴ Из земских данных мы узнаем дополнительные сведения для истории ичежного промысла. По мнению автора обзора земских сведений, В. Н. Косолапова, этим промыслом занято было в губернии «в общем, небольшое сравнительно число рук в восточных уездах Казан. губ. и является занятием преимущественно татарского населения. Занимаются изготовлением азиатской обуви также и в некоторых крупных торговых татарских селениях.

«Работаются мастерами ичеги мужские и женские, кауши мелкие и глубокие; обувь изготавливается преимущественно черного товара, так называемая ташкентская для местного потребления, других более дорогих сортов обуви сельскими ремесленниками восточной половины губернии не изготавливается. По отдельным пунктам сапожники-татары распределяются следующим образом: в д. Кугарчино, Урахчинской вол., Лаишевского уезда, мастеров 12 человек и около 30 человек таких в Кильдуразовской волости, Тетюшского уезда, в д. Чирки-Кошцаково. Начало промыслу положил лет 85 тому назад местный крестьянин по имени Кашфутдин, теперь уже умерший. Шитью обуви он научился в деревне Нурлаты, Буинского уезда, Симб. губ., от него переняли другие однодеревенцы и т. о. промысел появился в деревне. Идет уже третье поколение от Кашфутдина, и с того времени промысел развивается понемногу в этой местности. Работают за редкими исключениями своей семьей без наемных, хотя бы временных, рабочих. Наиболее распространенным способом является работа на заказ, в большинстве из материала давальцев; но вместе с этим, смотря по запасу материала, обувь изготавливается также на продажу, преимущественно для местных базаров. Ремесленники-татары говорят между прочим, что для работы на продажу сколько-нибудь постоянную у них нет средств, а при условиях продажи производство только и может быть выгодным. Работающие мастера помещаются в обыкновенных избах и только у некоторых производителей дер. Чирки-Кошцаковой имеются отдельные мастерские на другой половине дома, где происходит закройка и тут же тачают скроенную обувь; в этом же помещении хранятся иногда запасы кожи и других материалов. В тех случаях, когда мастера берут работу на дома, они получают сапог от хозяина скроенный и плату за шитье с пары. Рабочий период у мастеров продолжается всю осень и весну, у немногих он не прерывается и на летнее время».²⁵

Впервые в печати, по инициативе В. Н. Косолапова, отмечаются имена лучших ичежников в татарских деревнях: «в Тетюшском уез., Кильдуразовской волости, дер. Чирки-Кошцаково (Козматова) Габиттов Ганиатулла, Габиттов Гарифулла; Сайфутдинов Ахмедзян и Казанского уез. Студено-Ключинской волости, дер. Сту-

деные ключи—Ахмедов Валеи и Хуснутдинов Я малетдин».³⁶

По данным Казанской земской статистики, в 1910 г. «главная масса производителей кожаной обуви распределяется по уездам: Казанскому, Тетюшскому и Чистопольскому. На долю первого из них приходится больше половины общего числа всех домохозяев губернии, занятых промыслом».³⁷

Из общего числа домохозяев, занятых в 1910 г. обувным промыслом—1.708, 41%, или 697 домохозяев занималось строчкой ичег. В том числе было занято 11 мужчин (из 1.183 человек) и 1.196 женщин (из 1.212 ч.). Таким образом, ичечно-строчный промысел составлял почти исключительно занятие женщин. Как и всякая «капиталистическая работа на дому», ичечное производство цепко охватывало дешевый детский труд. Так, в 1910 г. в татарских деревнях в этом производстве было занято 706 девушек (60% всех женщин), в том числе подростков до 15 лет—628 чел., или 90%.³⁸

Приводим таблицу распределения этого производства по отдельным селениям Казанского у., составленную нами на основании данных 1910 года.

№№ п./п.	Название волостей и селений	Число домов, занятых:		Всего
		строчкой ичег	вышивкой кауш	
Ковалинская вол.:				
1	Кулька-Куюк	140	5	145
2	Большие Ковали	65	54	119
3	Мааяр	35	40	75
4	Чуваш	70	43	113
5	Малые Ковали	20	15	35
6	Мендели	45	—	45
7	Аксабаш	20	—	20
8	Малый Горелый Куюк .	9	—	9
9	Сентяк	—	5	5
Итого . .		404	162	566

№№ п./п.	Название волостей и селений	Число домов, занятых:		Всего
		строчкой ичег	вышивкой кауш	
Б. Алатская в.				
1	Дуб'яз	60	—	50
2	Улуяз	50	—	50
3	Тенивраг-Шулабаш . . .	45	—	45
4	Б. Алаты-Шулабаш . . .	35	—	35
5	Ср. Алаты	27	—	27
6	Алянь-Шепшень	25	—	25
7	Большая Шухота	15	—	15
8	Турнояз	15	—	15
9	Малая Шухота	5	—	5
Итого . .		277	—	277
Б. Студено-Ключинск. в.				
1	Малая Рязь	2	—	2
2	Ибра лев. сторона . . .	1	—	1
3	Больш. Горелый Куюк .	1	—	1
4	Таршна	—	2	2
5	Ташкич	—	2	2
6	Кудаш	—	2	2
Итого . .		4	6	10
Б. Мамсинская вол.				
1	По реке Мамсе	—	5	5
2	Ясашная Сердобряжка .	—	2	2
Итого . .		—	7	7
Всего по уезду . .		685	175	860 ⁰⁰

Из 860 домов, занятых пошивкой вышитой обуви в Казанском у. в 1910 г.,—685 домов, или 80% занимались строчкой ичег, при чем центром производства являлась Ковалинская волость, на которую падало всего 66% производства, или 47% всей строчки ичег.

Из других районов б. Казанской губернии в 1910 г. 84 дома производили вышитую обувь в Тетюшском у.; 11 домов в других волостях Казанского у.; 5 домов в Спасском и 5 домов в Свяжском уездах.

Казанское земство, которое в 1910 г. с таким усердием и тщательностью изучало экономику разных «кустарных» промыслов губернии,—в отношении ичежного лаконически писало: «о вознаграждении труда в этой отрасли промысла (строчка ичег), у нас нет сведений, но нужно полагать, что она незначительна».⁴¹ Конечно, сведения у земства были, но оно считало для себя выгодным лучше ограничиться общей фразой («незначительно»), чем обрисовать в ярких цифрах эксплуатацию татарской деревенской бедноты кулаком-посредником и торговцем-капиталистом.

В том же 1910 году в Казани насчитывалось до 34 торговых фирм, занимавшихся торговлей и производством азиатской обуви из 43 лавок.⁴²

Последние, известные нам печатные сведения о размерах этого промысла относятся уже к советскому времени, а именно к 1919—1927 г.г.

Так, в 1919 г. В. В. Перцев в своем «Очерке статистики и экономики Казанской губернии» писал, что над приготовлением ичег «трудится до 1.200 женщин и девочек, преимущественно в подгородных деревнях, а также в слободах города Казани, Суконной и Адмиралтейской». Готовыми изделиями «торгуют до 80 мусульманских фирм», вывозящих до 5.000.000 пар ичег «на Нижегородскую ярмарку, в Сибирь, на Кавказ и Туркестан».⁴³

Профессор М. М. Дубенский в своем экономико-географическом очерке «Среднее Поволжье», вышедшем в 1927 г., повторяет по интересующему нас вопросу старые сведения, давая такую общую характеристику экономике промысла: «До революции сапожный промысел носил определенный характер организованного «домашнего» производства. Все

производство находилось в руках нескольких крупных казанских торговцев, имевших своих закройщиков и раздававших работу на дом мастерицам по чрезвычайно низким нормам оплаты их труда, носившего в полной мере кабальный характер».⁴⁴

Ставя ближайшей своей задачей изучение этого промысла в наше время, мы должны, к сожалению, констатировать, что тщательного учета работников, занятых в этом производстве, до самого последнего времени не было.

Научно-экономическое изучение промысла, насколько нам известно, со стороны соответствующих учреждений до последнего времени отсутствовало. О современных размерах производства и о социальном составе его участников нам удалось пока получить только следующие сведения, извлеченные из данных демографической переписи, произведенной Татстатуправлением в 1926 г., и недавно произведенной переписи мелкой промышленности ТССР в сентябре-декабре 1929 года.

По целому ряду причин, перепись 1926 г. выявила, конечно, далеко не полное число лиц в ТССР, занятых производством:

1. Татарских головных уборов—896 чел. Из них 288 жен. и 608 мужч. Из общего числа кустарей—602 татары; в том числе женщин—219 и мужчин—383.

2. Кожаной обуви: 4.569 человек. Из них женщин 139 (?) и мужчин—4.430. Татар—1.856. В том числе 81 женщина.

Таким образом, переписью 1926 г. было учтено «кустарей», занятых в этих промыслах, всего 5.465 чел., среди которых женщин было только 427, или около 8%. Совершенно очевидно, что значительная масса женщин «кустарок» этой переписью не была выявлена. Так как в общей массе «кустарей» этих промыслов было учтено 2.458 татар, или 44,5%, то, очевидно, приблизительную массу «кустарей», занятых производством вышитой обуви и головных уборов, мы можем ограничить минимально данной цифрой.

Из общего числа «кустарей» этих производств Таткустпромсоюзом на 1/IV 1929 г. было кооперировано по своей периферии:

а) по выработке вышитой (и прочей) обуви 1.950 ч. татар, в том числе 466 женщин;

б) по выработке головных уборов—234 ч., в том числе женщин—151.

Отсюда видно, что из общего числа кооперированных «кустарей» татар-ичежников и шапочников в 2.184 чел. в 1929 г. только 28^{0/0}, или 617 чел. приходилось на долю женщин-татарок⁴⁵. Как мы видели, сведения Таткуспромсоюза и демографической переписи 1926 г. резко между собою расходятся. На основании данных специальной переписи мелкой промышленности в ТССР, произведенной в сентябре-декабре 1929 г., мы имеем следующие показатели размеров изучаемых промыслов:

По производству головных уборов зарегистрировано: 691 производственная единица с 1.026 участниками, в том числе: татар 663 ч. (66,3^{0/0}), русских 334 ч. (33,4^{0/0}), прочих 29 ч. (0,3^{0/0}).

Женщин, занятых в этом промысле, зарегистрировано в Казанском районе 128, Дуб'язском—3, Арском—72, а всего 203 (20,3^{0/0}). Занятых специально вышивкой-строчкой казанско-татарской обуви и т. п. изделий («вышивально-строчильным промыслом») зарегистрировано 607 производственных единиц с 676 участниками, из которых 644—татар (96^{0/0}), 30—русских (3,9^{0/0}) и прочих—0,1^{0/0}.

Женщин в этом промысле занято: в Казанском районе (с гор. Казанью)—37 чел., в Дуб'язском—238 и Арском—274, а всего 549 чел. (82^{0/0}).

Здесь, как и прежде, главная масса участников в этих промыслах приходится на сельские местности:

Головные уборы: 410 пр. ед. с 566 участ.

Вышив.-строчильн. 455 пр. ед. с 622 »

Итого. . 865 (66^{0/0}) с 1.188 участ. (70^{0/0}).

Всего татар занято в обоих промыслах 1.307 ч. (77^{0/0}), в том числе женщин около 750 ч. (99^{0/0}). Сравнивая эти данные с показателями 1926 г., мы можем отметить рост числа лиц, занятых производством головных уборов, на 130 чел., или 14^{0/0}. По строчильно-вышивальному промыслу мы можем отметить увеличение числа женщин на 83 ч., или 18^{0/0}.

Общее же число женщин заметно выросло (180^{0/0}) и, следовательно, по сравнению с 1926 годом мы имеем рост роли женщины-татарки в этих промыслах.

II.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС В ИЧЕЖНОМ ПРОМЫСЛЕ.

Ознакомившись выше, насколько это нам позволяли историко-литературные данные, с общим развитием интересующих нас производств, перейдем к изучению производственного процесса в ичежном промысле и особенно той роли, которую играет в нем труд женщины-татарки.

Производство вышитой обуви и головных уборов разделяется на две отрасли по характеру обрабатываемых материалов и способам их обработки: коженно-обувную и пошивочно-вышивальную. Первая отрасль занимается пошивкой кожаных ичег, кауш и кожаных туфель, изредка пошук, сумок и седел из кожи; вторая — пошивкой и вышивкой бархатных тюбетеек, чапашек, такьи, каттажи, колпаков и т. п. татарских головных уборов, а также вышивкой верха для бархатных туфель. В пошивке кожаных изделий женская работа заключается в «тачке» выкроенных кожаных частей, каковая работа носит общий термин «кою» (qaju).

В производстве головных уборов и бархатных туфель женщины преимущественно занимаются вышивкой их золотом, шелками, бисером, жемчугом и эта работа их носит название «чигу» (cigu).

Техника и экономика этих промыслов научному описанию и изучению подвергались впервые в трудах о кустарной промышленности С. А. Давыдовой в 1883 году⁴⁶, затем в 1886 г. упомянутым выше Рыловым и, наконец, в 1892 г. Криваксиной⁴⁷. Наблюдения последней послужили в значительной степени основанием для соответствующих глав «Обзора кустарных занятий в Казанской губернии», изданного в 1896 г. Казанским Отделением Русского Технического Об-ва. Кроме того, в 1913 г., этому вопросу посвятила главу в своем очерке «Золотошвейное производство» Ек. Половцева^{47а}. Учитывая недостаточность сведений,

Вышивальщица Зейнаб Баширова в Казани (1927 г.)
Из материалов П. Дульского.

Пошивка туфель. Мастер Низамутдин Шарафутдинов в Казани (1927 г.)
Из материалов П. Дульского

летом 1929 года, при содействии нескольких старых специалистов этих промыслов, мне удалось произвести обследование техники и экономики названных производств в б. Пороховой и Ново-Татарской слободах г. Казани. На основании вышеуказанных работ и наших наблюдений производственный процесс этих промыслов в прошлом и теперь характеризуется следующими моментами.

В «казанско-татарской работе в тачку» центром производства является пошивка ичег. Ичеги, по-татарски citek,⁴⁸—«это мягкие сапоги из бараньей или козловой кожи с мягкой подошвой (из лошадиной кожи)».⁴⁹

Само по себе это слово означает—п я т у и отсюда послужило основанием для термина обуви у значительной части тюркских народностей.⁵⁰ Как обувь и ч е г и были распространены не только в древности у соседей татар, но и сейчас в отдаленных уголках севера СССР ичеги—знакомая обувь у русских. Любопытно проникновение этого термина в детскую колыбельную песенку, записанную в с. Березовском, Тобольского округа, в мае 1928 г.:

Баю-баю-байки,
Матери—китайки,
Отцу—сапоги,
Брату—ичиги,
А дет' бедному—
Табакерку медную.⁵¹

«Выкраиваются ичеги,—писал в 1886 г. Рылов,—из кож козловых и бараньих и шьются с узорами и без узоров. цветные и черные. Узоры строчатся «в рябиновку» (рябь) цветною бумагою, шелком и золотом. Ичеги состояются из трех частей: 1) «крюк», т. е. передники и голенища, вытянутые вместе, 2) «задник» и 3) «подошва». Так называемые «двуклюшные» ичеги состояются из фигурного «клюша» (переда) голенища, задника и подошвы. Все остальные сорта ичег вырабатываются с пришивным передом, таквые, так называемые «вензелевые» и «дворянские» полусапожки. Последние отличаются тем, что они шьются с каблуками, на манер европейского полусапожка. Какой бы сорт ичег мы ни взяли, при каждом сорте, как главный признак

азиатской обуви, мы всегда найдем фигурно-вырезанный задник. Для мужских и черных ичег—задник вырезывается из саура или савра (кожаный огузок, выделяваемый в Персии и окрашенный в светло-зеленый цвет), для сафьяных цветных ичег—задник выкраивается из разных цветов сафьяна. Подошва подшивается всегда самими татарами-мужчинами... Подошва выкраивается большею частью из красной юфти, грубой выделки и окраски (азиатская юфть)». ⁵³

В старину ичег не отличались большим изяществом и своим покроем походили вообще на подобную им обувь тюркских народов. Последующая «европеизация» их фасона появилась не ранее конца XVIII ст., когда они стали предметом европейской торговли. Кстати, уже в 1786 г. Чулков в своем «Историческом описании российской коммерции», в росписи «всем и всякого звания товарам» приводит—«ичеги—чулки сафьянные», ⁵³ «как товар российской коммерции». Устойчивость в прошлом основного т. н. «азиатского» покроя ичег необходимо поставить в связь с тем явлением, что они с давних пор на всем мусульманском Востоке получили некоторую связь с обрядами ислама. Так, в Туркестане ичег всегда называются еще и «масх», т. е. им приписывается необходимость для ритуального жеста, который заменяет обязательное для каждого мусульманина омовение ног—«проведением пятью пальцами руки по ичегам от ступни к голени». По поводу этого ритуального акта сложена следующая старинная татарская песня «Не носи сапоги, а носи чытык; чытык годится для масх». ⁵⁴

Указанный выше раскрой ичег делал из них легкую, удобную обувь. Очевидно, качества ичег и послужили основанием проникновения их в тематику татарской народной поэзии. Вот некоторые, записанные мною, образцы этой поэзии, из которых первый считается очень старинным:

1. Kimə itek, ki citek, citek ajaq taldırmıj
Jarnı sejsən, sej maturın, matur xəter qaldırmıj.
(Не надевай сапоги, надевай ичег; ичег ног не утомляют;
Если ты любишь красотку, люби красивую,— красивая не оставит тебя в обиде.)
2. Ајаqmдаoъ citegem, qajusъz, jafraqsъz.
Bu denjada torsaң ide xəsrətsez həm qajorъsъz.

(На ногах ичеги безузорные, без вышивки;
На этом свете жил-бы без нужды, без горести).

3. Ајақмдаоь citegem қіық васмим јөрер ворьп
Вел: узебез matur tygel, ezlәмивез maturnь.

(На ногах ичеги—криво не наступаю до хождения;
Мы сами не красивы, не ищем красивую).⁵⁵

Кройка кожи для разноцветных и вышитых ичег производится следующим образом. Берут 4 или 6 цветных сафьяных или козловых кож и складывают вдвое цветною стороною внутрь. Сначала при помощи картонного лекала выкраивается общая форма заготовки; затем, подклеив слегка клейстером края заготовок, закройщик столярным клеем наклеивает на них сверху вырезанные из кожи лекала рисунков для узоров. Эти лекала для узоров бывают очень разнообразны, комбинируются при крое самими закройщиками, но не имеют отдельных названий для каждого узора. Имеется только два типовых названия для узоров: јағақ, т. е. лиственный и җәреқ—восточный, крупный. На обязанности закройщика лежит еще сортировка раскроенных частей, подбор цветов для одной пары заготовок, заворачивание каждой заготовки в бумагу и связывание этих сверточков в тючки по 4—5 штук в каждом. В августе 1929 года (2/VIII) мне удалось наблюдать, как в закройной мастерской казанской кооперативной артели «Таткредит» работал опытный закройщик Гарифулла Абдуллин, 58 лет. Он ловким движением складывал кожи и, поставив особый узкий и очень острый нож, надавливая его подбородком, правой рукой вел его по краям лекала и разрезал кожи. Абдуллин работает непрерывно с 1883 года, т. е. 46 лет, начав свою профессию в качестве ученика у другого закройщика. Из данных, которые он получил во время его долголетней работы в фирме Сагадеева, ему помнится, что у последнего работало перед Октябрьской революцией до 200 мастериц-вышивальщиц ичег в деревнях ТР и до 50 чел. в Пороховой слободе. Фирма Сагадеева выпускала в год не менее 80.000 пар ичег. В довоенное (1914 г.) время производительность хорошего закройщика выражалась в количестве до 20 пар в день и он получал 20 коп. с пары. Продолжительность рабочего дня была 9—10 часов, а месячный заработок доходил до 150 рублей. Закройщик почти всегда работал

в помещении хозяина товара и мог иметь у себя подручных и учеников. За раскрой туфель обычно платили по 6 к. с пары. Если теперь в кооперативных артелях закройщик является только наиболее квалифицированным работником, то в дореволюционном капиталистическом процессе производства он зачастую был чуть-ли не доверенным хозяина его бухгалтером. Так, в 1886 г. Рылов писал: «Торговцы держат у себя опытных и знающих дело закройщиков, большей частью из местных татар. Закройщики, кроме своего дела, т. е. раскладки кож, несут еще иногда обязанность и конторщиков; они записывают выдачу раскроя гуртовщикам (подрядчикам и подрядчицам) в шитье и прием от них готовых изделий».³⁷

Раскрой ичег в кооперативной артели непосредственно, а у частных через подрядчиков поступает к работницам-татаркам для вышивки или «тачки». Вот этот-то процесс производства, наиболее длительный и тяжелый, и охватывает ту массу женщин-работниц, о которых мы говорили выше. По данным нашего непосредственного изучения техники этого процесса летом 1929 г., он заключается теперь в следующем. Работница-татарка садится на низенький деревянный, обычно не крашенный сундучок в котором она хранит под замком полученные для работы заготовки, нитки и несложные инструменты своей профессии. Затем работница на правое колено накладывает гладковыстроганный брусок липового дерева, длиной в 25—30 см. и высотой в 7—7½ см. Общая форма бруска напоминает призму (см. рис. № 2). Одна сторона призмы несколько вогнута, чтобы лучше прилегать к колену. Этот брусок

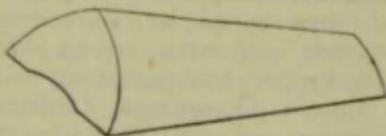

Рис. № 2

называется *tez aqas*, т. е. коленное дерево. При производстве «казанской или татарской работы в тачку» у русских мастериц в Торжке этот брусок но-

сил название «палка». Иногда *tez aqas* очень тщательно отделяется. Прилегающая к колену сторона выдвигается и закрывается выдвижной крышкой на подобие школьного пенала, и имеет два отделения: одно для воска

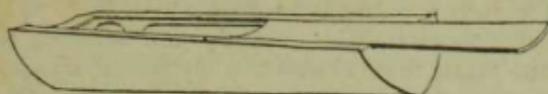

Рис. № 3а

которым натирают дратву, и другое для хранения шильца, ниток, дратвы, иголок и т. д. (рис. № 3а и 3б). Переднее осно-

А - ОТВЕРСТИЕ ДЛЯ ВОСЛА
Б - ОТВЕРСТИЕ - ПОЛОЩЕНИЕ ДЛЯ НИТОК ДРАТВЫ И Т. Д.

Рис. № 3б

вание тез аюась в целях украшения иногда покрывается шляпками вбитых в него обойных гвоздей или маленьким зеркальцем (рис. № 4). Стоимость тез аюась в прежнее время не превышала 15 коп. для простого и 25 коп. для украшенного. Теперь их почти не выделывают. Обычно это приспособление производства переходит по наследству от матери к дочери. Сведения о тез аюась, сообщенные нам мастерицей из слободы Восстания Шамсикамар Вафиной, вполне совпадают с описанием этого приспособления, сделанным в 1883 г. С. А. Давыдовой, которая подчеркивает, что «палка» выделывается в Казани немного тщательнее и затейливее. Середина ее выдалбливается и прикрывается выдвигаю дощечкою, так что внутри палки сам собою устраивается маленький ящичек, служащий подручным складом для мелкого материала, как то: шелка, щетины и проч.⁵⁸

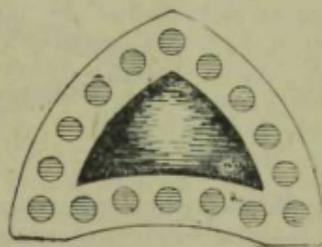

Рис. № 4

На тез аюась накладываются поудобнее части скроенных ичег, которые надо стачать или вышить и для того, чтобы они были неподвижны, а руки мастерицы свободны для работы шилом, на них перекалывается особый ремень, спускающийся на пол и проходящий под обеими ногами мастерицы, чтобы можно было натягивать (см. рис. № 5). Этот ремень носит название тез кайзе, что означает «коленная кожа». Длина ремня доходит до 180 см., и он состоит из двух частей: нижней, основной, шириною в $1\frac{1}{2}$ см. и длиною около 1 метра, и верхней, расширенной, в 72 см. с ромбовидным посредине вырезом. Между сторонами разреза как раз приходится края кож, которые надо стачивать. На рис. № 6 показана форма верхней части

Рис. № 5

теž кайзе и способ прикрепления к ней нижней части. Самое «тачание» кожи происходит так. Два стачиваемых куска кожи соединяются краями с некрашенной стороны

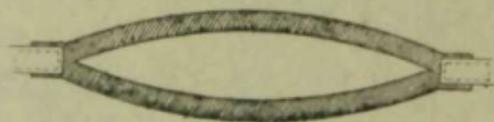

Рис. № 6

и, немного отступя от края, прокалываются особым тонким шильцем—вез, сделанным из крупной швейной иголки, вставленной в черен от обычной деревянной обеденной ложки. Через проколотое отверстие мастерица, одновременно обеими руками, с обеих сторон продевает дратву, прикрепленную к щетине, и затягивает петлю шва. Схема этого шва показана на рисунке № 7. Переда ичег стачиваются

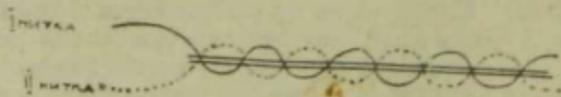

Рис. № 7

при помощи таких мелких стежков и более тонкой драгвой. Задник и шов в высоту делается драгвой потолще и тачается при помощи обыкновенного сапожного шила. Чтобы «заличить» шов передов, его с изнанки покрывают полосками тонкой кожи и прострачивают с обоих краев шва на сапожной машине. Ранее эта строчка производилась в ручную. Сапожные машины у «ичежниц» вошли в обиход в начале 90-х годов прошлого столетия, т. наз. «центральные 16-го класса».⁵⁹

В 1883 г. работа по «тачанию» ичег была подвергнута изучению С. А. Давыдовой по пути ее через Казань в с. Рыбную Слободу для изучения тамошнего кружевного промысла. «Я попыталась,—пишет она,—ознакомиться с произведениями «татарского шва», которыми Казань так славится и которые всюду известны под названием «казанской работы». Мне было тем более интересно осмотреть изготовляемые здесь подушки, сапоги, туфли, скуфейки и т. д., что я близко изучала эту работу в г. Торжке, Тверской губ., где она некогда также процветала. Посетив несколько магазинов, где находятся склады таких произведений, мне удалось заручиться адресами лучших мастериц, занимающихся специально «казанской работой». Вероятно, вследствие того, что татары всегда носят сафьяновые сапоги, шитые в тачку, известные под названием «ячетки» и скуфейки или «чаплашки» — предполагается, обыкновенно, что, работа их должна быть специально татарского происхождения. На деле же выходит, что в Казани нет, ни одной мастерицы-татарки, которая бы шила в тачку. По крайней мере татары, торгующие подобными товарами, все единогласно заявили, что работа эта производится только русскими женщинами (курсив мой.—Г. З.)... Что же касается исполнения работы, надо сознаться, что казанские мастерицы несколько искуснее торжковских. Подбирая сафьяны разных цветов по личному усмотрению, казанские мастерицы при специальных заказах особенно старательно стачивают швы, покрывая их настилкой узенькой золотой или серебряной цепочки, напоминающей работу помощью тамбурного крючка. Замечательно, что подобная настилка цепочки происходит одновременно со стачиванием отдельных кусков сафьяна,

входящих в состав рисунка. Она заменяет собой шелковые спиральки, употребляемые при заурядной работе различных предметов, исполняемых татарским швом. Казанские мастерицы, поясняя свое рукоделие, сообщили мне, что в Казани татарки никогда подобной работой не занимаются, потому что производить ее без помощи свиной щетины невозможно, а последовательницы великого пророка Магомета до нея не дотрагиваются (курсив мой.—Г. З.). Зато жены и дочери местных татар много шьют золотом и серебром по бархату и сафьяну. Все части подушек, ячехок, чаплашек и проч., вышиваемые золотом, изготавливаются мастерицами-татарками. Стачивают же их всегда русские мастерицы, вовсе не занимающиеся в Казани вышиванием по сафьяну и бархату золотом и серебром».⁶⁰

Все другие известные нам литературные источники, а также воспоминания старейших мастериц из слободы Восстания: Шамсикамар Вафиной, Хадичи Зайнуллиной и Александры Ивановой опровергают категорическое утверждение Давыдовой о работе в «тачку» только русских мастериц. Правда, в 70—80-х годах прошлого столетия этой работой занималось много русских мастериц, особенно проживавших в Суконной слободе и работавших еще на суконной фабрике (быв. Осокина, затем арендаторов Мишкиных). По словам старожиллов, работы русских мастериц отличались большой тщательностью, щеголеватостью отделки и им поручались к пошивке и вышивке изделия европейского образца для продажи их в столицы и за границу.⁶¹

Говоря о неупотреблении мастерицами-татарками свиной щетины, Давыдова впадает в грубейшую ошибку, т. к. употребление щетины татарами в этом производстве известно с отдаленнейших времен. По рассказам Вафиной и Зайнуллиной, старики-татары говорили девушкам, употреблявшим при тачке щетину, только то, чтобы последние не брали ее в рот, а после работы мыли бы руки. Вполне возможно, что щетина, не имеющая в казанско-татарском наречии специального слова для своего обозначения, а называемая по-русски *šetin*, была позаимствована татарами от их русских или финских соседей в древнейшие времена.

Посадка ичег на колодку мастером Каримом Гизатуллиным
(Казань, 1927 г.) Из материалов П. Дульского.

Кстати, по словам казанского старожила Тимурши Соловьева, вопрос о разрешении татарам для работы употреблять щетину в положительном смысле был будто бы решен толкованиями мусульманского законооведа Ханифы, жившего, как известно, еще в IX веке!

Процесс вышивания (тачки) цветных узорных изделий из кожи происходит следующим образом. Прежде всего готовятся нитки, необходимые в работе. Цветная бумага или шелка навиваются на небольшие деревянные веретенца—өгсақ, число которых бывает такое же, во сколько цветов («рябиновка») производится вышивка. Так как вышивка бывает 9-цветной, то и число веретен доходит до 9. Намотанные на веретена нитки скручиваются и к концу каждой нитки прикрепляется щетина. Усевшись для работы, как это было описано выше, мастерица прежним же шильцем прокалывает немного вкось одну из стачиваемых кож. Затем ловким движением правой руки обматывает высунувшийся кончик шила одной из цветных ниток от 3 до 5 оборотов и прокалывает этим же шилом вторую кожу. После этого шильце осторожно вытаскивается так, что между двумя сложенными краями кож и сделанными в них шилом отверстиями остается нитяная спираль. Тогда мастерица ловким движением обеих рук одновременно с двух сторон протягивает сквозь отверстия дратву на щетине и затягивает шов, как при обыкновенной «тачке». Дратва, проходя в отверстие через спираль цветной нити, оставляет ее поверх шва на себе. Следующий стежок делается так же, но для спирали употребляется нитка другого цвета, и т. д. От чередования цветных спиралей нитей этот способ расцветки шва получил технический термин «в рябиновку», от русского слова—рябь. Соответствующего татарского термина нам установить не удалось.

Вышивание кожи золотыми и серебряными нитками происходит точно таким же образом. Самый процесс работы, по словам старейших мастериц, существует неизменным с отдаленнейших времен. Единственное для казанских татар описание процесса работы известно с 1896 года в упомянутом уже нами «Обзоре куст. занятий Казанской губ.»⁶².

Работа эта происходит довольно медленно. Производительность труда и его оплата низки. По нашим наблюдениям летом 1929 г., выяснились следующие размеры про-

изводительности и заработка кооперированных мастериц-ичежниц. Одна мастерица при обычной для нее ежедневной домашней 8—12-часовой работе стачает 10 пар головок, ее младший сын (дочь) сошьет 10 пар задников, а старший сын (дочь) все эти 20 пар прострочит на машине. Эта производительность средняя и может быть выше, но обычно мастерицы полной нагрузки не получают. Работа мастериц по вышивке ичег цветными или золотыми нитками происходит значительно медленнее. Мастерица может вышить полный узор пары ичег в месяц или в две недели. Таким образом этот вид работы считается самым невыгодным.⁶³

Если и сейчас заработок мастерицы-татарки в этом производстве не велик, то в дооктябрьский период она и ее русские товарки подвергались жесточайшей эксплуатации со стороны торговцев вышитой обувью и их посредников.

Первые литературные сведения о тяжелом материальном положении работницы этого производства относятся к 1883 г. и опубликованы С. А. Давыдовой. Разыскивая вышивальщиц ичег в Казани, Давыдовой, «что-бы познакомиться с последними, пришлось заглянуть в самые бедные кварталы города. Убогие жилища и обстановка большей части мастериц,—пишет она,—не требуют пояснений; изнуренный же вид тружениц позволяет заранее предвидеть, что они ответят на вопросы, касающиеся их заработка. И в самом деле, положение их далеко не завидное. Вследствие дороговизны кож, употребляемых для изготовления работы татарским швом, мастерицы вынуждены брать заранее накроенный товар у заказчиков. За свой счет они приобретают только шелк, а иногда золотую или серебряную нитку. Таким образом, они находятся всегда в полной зависимости от нескольких монополистов, которые их держат в руках. При этом заработок мастериц не превышает копеек двадцать в день и только в случае спешного заказа условия изменяются несколько в их пользу»⁶⁴.

Невероятная капиталистическая эксплуатация труда мастериц-татарок была обнажена в печати Рыловым в 1886 году в его статье, проникнутой живейшим сочувствием к работницам и с указанием путей раскрепощения их труда. «Мастерицы,—писал он,—непосредственно не получают от

торговцев товара для шитья, потому что торговцы считают для себя затруднительным делом иметь расчеты с целой массой шитниц; между тем последние не додумались соединиться в артели, благодаря чему они и теряют до половины своего заработка, которую переплачивают ловким подрядчикам и подрядчицам за посредничество. Таких нежелательных посредников в настоящее время (1886 г.—Г.З.) в казанских окрестностях считается 4 человека, а именно: на Пороховом заводе мещанин из татар Ишметьев, в Кизицах мещанин Иван Федоров и мещанка Елена Западнова, в Суконной слободе мещанка Фекла Иванова. Мастерниц насчитывается только у одного Ишметьева—до 800. Барыши этих господ усугубляются еще тем, что гуртовщики, гуртовщицы задельную плату уплачивают мастерицам не деньгами, а товарами, на которые в свою очередь, также накладывают бессовестные проценты. Все товары, от ситца, табаку, чаю и сахару—до пустяшной вещи, необходимой в домашнем быту, они всегда держат и сбывают втридорога. Конечно, имеются и между ними также личности, которые имеют понятие о нужде; но есть и такие, для которых кроме своего мамона ничего на свете более не существует. Всех мастериц, занимающихся шитьем ичег... насчитывается (1886 г.) до 2.000. Все они рассеяны по окрестным слободам г. Казани, а именно: в Слободах—Суконной, Николаевской, Адмиралтейской, Ягодной, в двух Игумновых, Кизицкой, Козьей, Гривке, Пороховом заводе и в некоторых пригородных деревнях. Кизицкие подрядчики Федоров и Западнова—насчитывают у себя до 200 мастериц. Ишметьев, как было уже сказано, имеет до 800. В Суконной слободе подрядчица Фекла Иванова имеет до 100. В Суконной слободе шьют исключительно дорогой товар, шелками и золотом,—работа самая утомительная и вредная для зрения. Поэтому Фекла Иванова не столь много наживает против других подрядчиков».⁶⁵

Таким образом, по подсчетам Рылова, в 1886 г. в Казани только четыре подрядчика держали в полной кабале 1.100 мастериц, или 55^{0/0} их общего числа. Каковы были размеры их заработка и какова была их производительность об этом говорит нижеследующая таблица, составленная Рыловым:

№ №	Наименование сортов	Цены за работу одной пары		1 мастерица сошьет в неделю	В год
		Лавоч. ценя	От подрядч.		
1	Ичегн бараньи черные вытяжные (ташкентские)	— р. 20 к.	— р. 10 к.	15 пар	720 пар
2	Такие же козловые	— р. 20 к.	— р. 12 к.	15 »	720 »
3	С пришитыми передами.	— р. 14 к.	— р. 8 к.	15 »	720 »
4	Полуузорник, вышитый бумагой	1 р. 20 к.	— р. 60 к.	1 »	48 »
5	Полуузорник, вышитый шелком	2 р. — к.	1 р. 20 к.	3/4 »	36 »
6	Вензелевые ичегн	— р. 50 к.	— р. 30 к.	2 »	96 »
7	Дваклюшные	— р. 12 к.	— р. 8 к.	15 »	720 »
8	Дворянские полусапожки	— р. 25 к.	— р. 15 к.	10 »	480 »
9	Полуузорник золотом	5 р. — к.	5 р. — к.	1/4 »	12 »
(Материалу на два рубля со счета мастериц)					
10	Туфли, шитые серебром и золотом	2 р. — к.	1 р. 50 к.	1 »	48 »
11	« » шелком	1 р. — к.	— р. 50 к.	3 »	144 »
12	Ичегн полного узора бумагой	2 р. 50 к.	2 р. — к.	3/4 »	36 »
13	Ичегн полного узора шелками	3 р. — к.	2 р. 50 к.	1/2 »	24 »
Средняя цифра		1 р. 40 к.	1 р. 08 к.	61 3 пар	3792 п. 304 п.

Из этой таблицы мы видим, что только на одном проценте посредничестве подрядчик наживал от 25 до 100% в сравнении с лавочными задельными ценами, при чем самые высокие проценты наживы приходились на самые ходовые массовые сорта обуви. Средний недельный заработок мастерицы при этих условиях не превышал 3 рублей.

Продажные же цены обуви в лавках торговцев были довольно высоки и приносили им не меньший чем посредникам процент прибыли. Вот некоторые данные из Галеевского преискуранта 1886 г.⁶³

№№	Наименование сорта изделий	Цены за единицу	
		от	до
1	Женские кауши	2 р. — к.	8 р. — к.
2	Дворянские спальные сапоги	—	15 р. — к.
3	Ичетки	—	12 р. 75 к.
4	Женские полуузорные сапоги	—	12 р. 50 к.
5	Детские сапоги, вышитые шелком	1 р. 75 к.	2 р. 50 к.
6	Женские туфли	1 р. — к.	12 р. — к.
7	Детские туфли	1 р. — к.	2 р. 50 к.
8	Мужские туфли	—	1 р. 20 к.
9	Женские ичетки	3 р. 50 к.	11 р. 50 к.
10	Обои, вышитые шелком для кресла	—	12 р. — к.
11	Строченный прибор к седлу на дереве	—	125 р. — к.
12	Подуша, вышитая шелком, с казанским гербом, именная	—	22 р. — к.
13	Подушка с узором	—	18 р. — к.
14	Дамские саквояжи	6 р. — к.	8 р. — к.

Обрисовывая тяжелое материальное положение мастериц, Рылов дополнил его следующей жуткой картиной: «надо иметь в виду, пишет он, что сидят за работой большинство их от 15 и более часов в сутки, — в зимнее время в душных и тесных помещениях; летом же стараются работать на улице, на дворах, словом, на чистом воздухе. Пищей питаются весьма скудно. У многих мастериц, по нашим личным наблюдениям, она состоит буквально из одного

черного хлеба; приварка не полагается никакого, разве грибы да картофель, а о мясе и помину нет; его едят, в продолжение года разве только в 5—6 праздничных дней. Молоко употребляют только те, у которых имеется корова,—но и в этом случае стараются по возможности все продать в городе, не оставляя про себя. Беднота, скудность и недостаток—страшные. Несомненно, что несчастные мастерицы не сидят сложа руки, не барствуют, а прибыли—очень мало. И все это потому, что тяжелый труд их более всего идет на пользу паразитов-подрядчиц и подрядчиков».

Свои выводы о бедственном положении работницы в производстве Рылов, единственный в этом роде исследователь, подкрепляет анализом примерного бюджета работницы: «возьмем,—говорит он,—для примера, семейство, состоящее из четырех человек: матери, одной взрослой дочери, одного сына 8 лет и другой дочери—9 лет. Расход в неделю на содержание такой семьи будет состоять в следующих, приблизительно, статьях:

Квартира	— р. 25 к.
Дрова и освещение	— р. 40 к.
Пища	1 р. 20 к.
Чай и сахар	— р. 60 к.
На платье и обувь	2 р. — к.

4 р. 45 к.

Мать и взрослая дочь сошьют в неделю самого распространенного и самого выгодного сорта ичег—ташкентских—по 15 пар, и заработают за них 3 руб. Маленькая девочка сошьет в неделю 5 пар, на которых заработает—50 коп. Всего в неделю заработка окажется 3 р. 50 к., а расхода в неделю 4 р. 45 к. Следовательно, не только не остается прибыли, но оказывается еще 95 к. еженедельного дефицита, который по возможности и покрывается урезыванием и сокращением расходов на платье и обуви, а более всего на пище. Когда же для покрытия дефицита оказывается недостаточным и этих источников экономии, тогда прибегают к займу под залог каких-нибудь вещей, при чем в роли заимодавцев нередко являются те же торговщички». ⁶⁷

Рылов принадлежал к числу объективных исследователей ичежного производства. Он ближайшей своей целью ставил привлечение общественного внимания к бедственному положению мастериц, он искал не филантропического разрешения вопроса о помощи им, а указывал им путь собственного организационного раскрепощения — путь кооперации. Идеалисты-разночинцы 80-х годов были уверены в том, что кооперация и коллективные формы труда нравственно и экономически переродят человечество и мирным путем разрешат конфликт между трудом и капиталом. Вот почему Рылов писал: «Две тысячи казанских девушек и женщин находятся в тяжелой кабале у своих подрядчиков и подрядчиц и ждут, чтобы благодетельная рука вырвала их из этих эксплуататорских тисков... Путь, которым можно притти к этой цели, очевиден. Нужно организовать мастериц в самостоятельные артели по местам их жительства... Таково неприглядное современное положение ичежного промысла в Казани,—заключает свою статью Рылов, промысла, который ждет своей постановки на рациональных началах, зиждущихся на свободном труде и отсутствии эксплуататорских уз, которые давят и глушат эту важную отрасль местной промышленности, между тем, при иной постановке дела ей можно было бы предсказать блестящую будущность».

Но должно было пройти более 30 лет упорной борьбы пролетариата России с самодержавием и капитализмом, чтобы в результате диктатуры пролетариата осуществились мечты старого кожевенного мастера Рылова о реорганизации данного производства. Ичежниц раскрепостила и кооперировала только советская власть. И недаром молодая работница кооперативной артели, дочка старой Хадичи Зайнуллиной, когда я попросил ее рассказать, как ей работается, вместо ответа передала мне новую рабочую песенку:

1. Ajaqmdaofь citegem cve qojašta una
Bez әrtildә ешли вашлаqac, casnъj qorsaofьn ua!
(На ногах ичеги, нитка на солнце линяет;
Мы в артели стали работать,—частнику живот подвело).
2. Ajaqmdaofь citegem, qajularь pirvъj sort
Bez әrtildә ешли вашлаqac, casnъjođa qalmadь rәt!
(На ногах ичеги,—вышивка первосортная;
Мы в артели стали работать, частнику не осталось места).

Рис. № 8. Чаен артези «Азат-хатым» Биби-Гайша Назмутдинова, 73 лет.
Рис. В. Э. Вильковской. Казань, 1930 г.

III.

ПРОЦЕСС ЗОЛОТОШВЕЙНО-ТЮБЕТЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА.

Сигу или золотошвейное производство, где почти исключительно применяется труд женщины-татарки, создавало следующие виды рыночных изделий: бархатные туфли, тюбетейки, такьи, катажи и женские колпаки. Тюркский термин, обозначающий это производство — *sigu* — дословно значит: втыкать, уколоть, шить и встречается также у чуваш, луговых мари, алтайцев, якутов и киргиз.⁶³ Самая техника производства очень древняя, хотя в настоящее время в ней имеются позднейшие наслоения, заимствованные от соседних народностей.

Древнейшим видом этого производства надо считать такью, т. е. мужскую шапочку и колпак — женский головной убор.

Тюркское такья (taqia) значит «шлем», — говорит языковед Н. И. Золотницкий.⁷⁰ У арабов «такия» — шапочка; по-татарскитакия — шапочка, вышитая серебром, — как поясняет Махмудов в своем «Практическом руководстве к изучению татарского языка» (стр. 41), а ту'бятэй — простая шапочка, как поясняет в своем словаре Будагов (I, 335). Такья у чуваш и удмуртов обозначает древнейший вид девичьего головного убора, действительно напоминающего конусообразный шлем.⁷¹ Татарские девушки вместо такьи с древнейших времен носили высокие конусообразные уборы, сменявшиеся затем шелковыми и шерстяными колпачками различных размеров, с бахромою, галунами и вышивкою. В одном припеве к старинной татарской песне говорится:

Kimə qalfaq wəjləsə şəlqne

Janьң səjsə səjesə xalqne.

(Не надевай колпака, повяжи шаль;

Если душа твоя любит, подумай о положении твоём).⁷²

В настоящее время массовый характер производства имеют почти исключительно расшитые тюбетейки и верха бархатных туфель. Производство тюбетеек ныне знает уже довольно большое техническое разделение труда и по нашим наблюдениям распадается на следующие 9 стадий:

1. Раскрой бархата и прочих материалов.
2. Вырезывание из бумаги трафаретов для узоров.
3. Вышивка отдельных частей тюбетейки в пальцах.
4. Прострочка или стежка вышитой вещи в ручную или на машине.
5. Набивка паклей стежки.
6. Окончательная пошивка вместе с подкладкой и т. п.
7. Правка на колодках.
8. Пришивки кисточек или галунов и, наконец,
9. Тюковка по сортам.

Кроме первой, все эти стадии производства составляют исключительно работу женщин.

По нашим непосредственным наблюдениям, вышивка золотом и серебром тюбетеек, женских шапочек, верхов для туфель и т. д. происходит таким образом.

Бархатные выкроенные части уборов и туфель укрепляются для вышивки в примитивных пальцах, называемых татарски—*kirge*.⁷² Они представляют собою прямоугольную деревянную раму размером приблизительно 30 × 80 см. Рама эта выделяется довольно грубо и по углам скрепляется деревянными гвоздями. Предназначенный для вышивки верха или тульи тибетца лоскут бархата крепко пришивают по краям к холщевой рамке, которую в свою очередь при помощи бечевки крепко натягивают в пальцах, как это показано на рис. № 9. Эта холщевая рамка на-

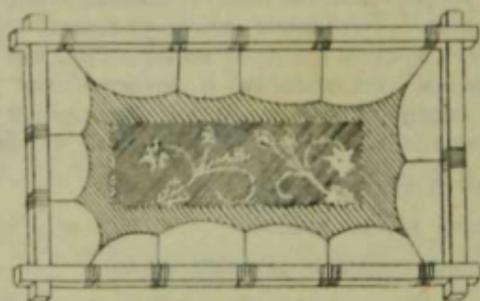

Рис. № 9

зывается *kirge superage*. Натянув таким образом бархат в пальцах, на него наклеивают или пришивают наметкой трафареты узоров, вырезанные из бумаги. Раньше эти узоры преимущественно приклеивались обыкновенным клейстером. Рисование и вырезка трафаретов для узора всегда являлись женским занятием у татар.

Несколько листочков обыкновенной писчей или архивной бумаги накладываются друг на друга, на верхнем карандашом рисуются контуры будущего узора и затем при помощи маленьких ножниц старательно вырезаются. Для получения симметричных трафаретов узоров рисуется контур половины узора, затем бумага перегибается вдвое и производится вырезывание. После вырезывания одинаковые трафареты узоров складываются вместе и по середине прошиваются ниткой, чтобы их работница не растеряла и не перепутала с другими трафаретами. Рисовальщицы и вырезывальщицы трафаретов в прошлом достигали большой виртуозности и становились специалистками, продававшими

Татарка за золотшвейной работой. Рис. В. Э. Вильфренской. Келвинь, 1930 г.

пару наборов трафаретов для одной вышивки за пять копеек. Все типичные для массы татарских вышивок вообще и в частности для головных уборов узоры являются растительным орнаментом. Лишь только за самые последние годы появилась орнаментация вышивки советскими эмблемами — красноармейской звездой, гербом СССР — и даже изоб-

Таблица № 10

ражениями животных (ласточка). Распространение растительного орнамента в прошлом у татар находит свое объяснение, повидимому, в преимущественном занятии с древнейших времен земледелием, а также в запретах ислама изображать живые существа (животных и человека). На таблице № 10 изображены трафареты растительных узоров, употребляющихся в наши дни мастерицами Казанской татарской женской кооперативной артели «Азад-хатын» («Свободная женщина») для вышивки тюбетеек. Узоры эти не имеют теперь резко стграничительных друг от друга названий. Так, узор № 1 называется *dyrt ырнэк*, что значит «четыре образца». Это название дано ему потому, что его четырехкратно вышивают на тулье тюбетеек. Другие

узоры не имеют названия в целом, а именуются по своим отдельным орнаментальным частям. Так, цветы типа № 2 называются б а д ь я н, по имени распространеннейшего у татар комнатного растения. Стилизованные ветви и листья (типа № 3) называются jaғraq, т. е. листочки. Шарик (типа № 4) называется вугсаq, т. е. горошек. Узор № II обычно вышивается на верху тюбетея.

Подвергая языковедческому анализу названия растительных элементов вышеуказанных узоров, мы предполагаем, что они выбраны не случайно. Так, слово в у г с а q — горох, по-киргизски — б у р ш а к, по-чувашски — п у р з я, по-марийски — п у р с а и даже по-венгерски — б а р ш а о — одного корня,⁷⁴ вероятно, потому, что горох был, очевидно, одним из древнейших хлебных растений, возделывавшихся еще тогда, когда соответствующие племена жили вместе. Отсюда, думается, и глубокая древность «горошкового» орнамента. Наличие в названии цветочных узоров — бадьяна также дает основание предполагать о его древнем происхождении, т. к. имя этого цветка встречается в старинных татарских песнях, в которых вообще имеется ограниченное число цветов: гвоздика, бадьян, белый и голубой лен, колокольчики.⁷⁵

При вышивке женской шапочки — катажи употребляются составленные из тех же орнаментальных элементов, но более крупные узоры, представленные на рисунках № 11 и 12.

Самая техника вышивки заключается в следующем.

Нашив или наклеив узоры на лоскут бархата, натянутый в пяльцах, приступают сначала к вышивке тульи тюбетея, называемой kәlәпуз әjlәnәse. Для этого пяльцы кладут на стол, или на маленькую табуреточку, если работа производится на полу. На край пяльцев, чтобы они были устойчивее, укладывают груз — kirge vastьoь — в виде кирпича или крупного булыжника. Затем мастерица ловкими движениями при помощи маленьких ножниц нарезает разного размера спиральки из серебряной или золотой канители фабричного производства, которыми застилается рисунок вышивки. Взяв в правую руку иголку (№ 7 или 8) с навощенной белой ниткой (№ 30 или 40), мастерица вкалывает иголку с изнанки материи и, вытянув нитку, ловким движением иголки подхватывает из лежащих перед

ней спиралек канители отрезок по ширине узора и пришивает его, пропустив нитку поверх бумажного трафарета. Таким образом, спиральки канители укладываются, настилаются на бумажный трафарет узора параллельными линиями во всевозможных направлениях. В зависимости от направлений различается наименование техники шва. Прямые параллельные швы называются просто *сигу*; пальмовидное расположение спиралек называется *jafraq jaru sigu*, т. е. «листочками от почки» и, наконец, шахматно-чередующиеся швы называются *qadau*, что означает «протыкаю» или «сердцевина». Схематически эти швы изображены на рисунке № 13. По рассказам старейших мастериц и по

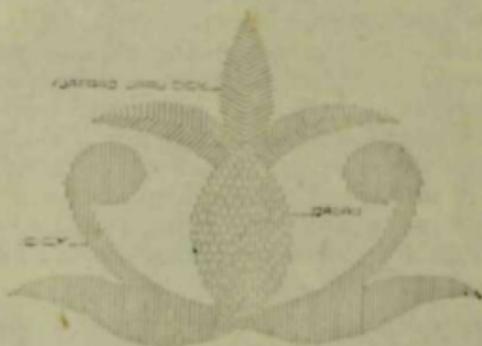

Рис. № 13

старинным образцам вышивок, находящихся в Центральном музее ТР, замечается замена в настоящее время канителью более древнего материала, называвшегося *укэ*, т. е. позумент; золотые и серебряные нити—бить. Семидесятилетняя мастерица Биби Назмутдинова хорошо знает, что канитель в татарских вышивках стали употреблять только 60—70 лет тому назад, позаимствуя этот материал от русских золотошвеек и монастырских вышивальщиц. Кроме того, еще очень недавно, кроме канители для вышивки женских головных уборов, употребляли металлические кружочки с отверстием посредине, т. н. блески, а по-татарски *тагъса ахса*, т. е. «денежки русской женщины». Возможно, что название материала говорит о позаимствовании его от русских головных женских уборов и фаток.

Рис. № 11

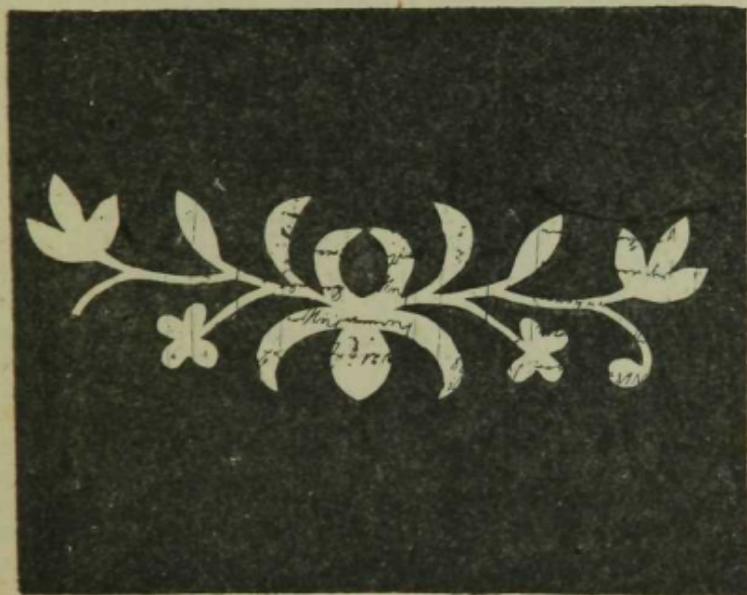
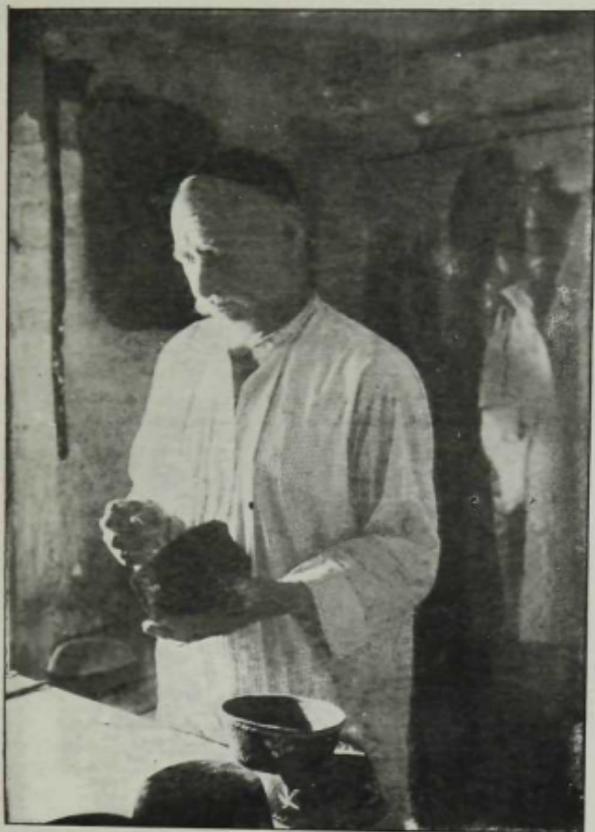

Рис. № 12

Вышивание верхушки тюбетея, называемой *kələpuz tıvase*, производится отдельно от тульи и в других пяльцах. Для последней работы употребляются обычно пяльцы меньшего размера и квадратной формы.

По нашим наблюдениям, вышивка женской шапочки катажи имеет еще ту особенность, что лоскут бархата не пришивается к *kirge superege*, а наклеивается на нее клейстером. Точно также рисунки узора при этой работе не нашиваются, а наклеиваются. В большинстве случаев многие узоры на тюбетеях и катажи имеют очень рельефный характер. Это достигается следующим вышивальным приемом. На те части узоров, которые хотят сделать рельефными, накладывают и пришивают немного ваты или белой ветошки и затем, как было указано выше, застилают узор канителью. Настилка канителью происходит не очень плотно, а с таким расчетом, чтобы вата слегка проглядывала между швами. По наблюдениям Криваксиной в 1892 г., работа происходила несколько иначе, а именно: «На бархат наклеивается вырезанный из бумаги узор, контуры которого заматываются чулочной бумагой, затем замотанные части затягиваются золотом или мишурой. При вышивании мишурой по дешевому материалу процесс работы много упрощается: пялец не употребляют, бумажный узор едва прикрепляют и чулочной бумагой не заматывают совсем».⁷⁶ Такова чисто-вышивальная стадия процесса производства головных уборов. Обращаясь к уровню производительности труда вышивальщиц, мы встречаем следующую обычную норму: три полосы для тульи или четыре верха калябуша в день. Производительность труда по вышивке катажи теперь определяется три штуки в день. Оплата труда мастериц-вышивальщиц в прошлом была не поштучная, а в зависимости от сложности и полноты узоров, что практически выразилось в производстве расчетов за каждый вышитый золотник канители, мишуры или золотых ниток. Сколько золотников работница изошьет, столько и получит. За вышивку, на которую расходовался один золотник канители, платили от 12 до 15 коп. Вышивка золотыми нитками расценивалась дороже, до 30 коп. за золотник. Вышивка калябуша полным узором требовала расхода 4 золотников канители и, следовательно, работница получала за работу

Посадка тубетеев на колодку мастером Закиром Исмагуловым,
в Кавани (1930 г.).

Из материалов П. Дульского.

60 коп. Таким образом, работница могла заработать в среднем от 15 до 20 руб. в месяц. За вышивку золотом кожаных выкроев для туфель или соответствующих выкроев из манчестера мишурой работница получала не с золотника, а поштучно, 10—12 коп. за пару. «Хорошая работница, работая высшие сорта, может заработать в день (15 часов) 40—50 коп. Работая поштучно низшие—15—20 коп. Долго работать золотом высшие сорта очень трудно; работа эта требует усиленного напряжения зрения и ею занимаются только в молодых годах. Работою же низших сортов, не требующих особой тщательности, работницы могут заниматься более продолжительное время. Некоторые из них даже сами покупают материал—лоскутки юфти по 20 коп. за фунт и не только вышивают, но и изготавливают совсем готовые туфли «уколы», с загнутыми носками и без пяток. В этой работе им помогает кто-нибудь из семьи. Подобные совсем готовые туфли сдают в лавку зимой по 40—50 коп. (1892 г.). Летом, когда большой сбыт на пароходных пристанях, цена повышается до 60—70 коп. В продаже же цены от 80 коп. до 1 р. и 1 р. 20 коп. Конечно, весь материал самого невысокого качества и за работу очищается копеек 20—25».⁷⁷

Помимо вышивки золотом, всегда существовала вышивка головных женских уборов и жемчугом. Но так как подобные работы исполнялись преимущественно по заказам отдельных лиц по причине дороговизны материала, то число соответствующих мастериц всегда было невелико. Лишь только в начале XX ст., когда для этих целей стали употреблять дешевые сорта искусственного жемчуга, этот вид производства получил более широкое распространение. Вышивают жемчугом специфический женский татарский головной убор, называемый колпак—kalfak. Процесс работы жемчугом такой же, как и золотошвейный. Оплата работы также с золотника. В конце XIX и начале текущего столетия золотошвейная работа стала сокращаться в силу сокращения потребления богато расшитых тюбетеев зажиточными татарами и все большего распространения тюбетеев из темной материи, если и с золотой вышивкой, то самого скромного размера, чаще же без всякой вышивки.

Сравнивая дооктябрьскую заработную плату вышивальщиц с таковой же в других отраслях женского труда

в Казани, мы, на первый взгляд, как будто видим, что она «не только не ниже, но гораздо выше других женских заработков». Но, если мы подвергнем эту плату анализу на ее реальность, то здесь мы обнаружим ее крайне низкий фактический уровень. Так, по данным Криваксиной, хорошая золотошвея заработает (1892 г.) в месяц около 20 р., но вместо этих 20 руб. она получит много-много 10—12 р. Причиной такого снижения реального уровня зарплаты вышивальщиц являлось то обстоятельство, что, во-первых, нитки, иголки, клей, бумажные трафареты узоров, — все это приобреталось работницей за свой счет. Во-вторых, «при расчете деньгами дают третью часть, редко половину, на остальную же сумму выдают товар, поставленный по высокой цене. Когда работнице до крайности нужны деньги, то отпущенный товар соглашаются взять обратно в лавку, но уже по цене сбавленной».⁷⁸

В наше время (1929 г.) кооперированные работницы-вышивальщицы получают за свою работу поштучную оплату в зависимости от сложности и качества выполнения вышивки.

После вышивки соответствующих частей тюбетея, околыши и верх складываются и к ним пристрачивается на машине или вручную подкладка, вкось, на расстоянии в полсантиметра строчка от строчки. Этот процесс работы называется *kələpuz tırsci*, т. е. строчка калябуша. Строчка калябуша по околышу делается для того, чтобы, проконопатив паклей промежутки между швами, придать ему эластичный и плотный характер. Работа производится особыми мастерицами при помощи толстой иглы, вделанной в деревянный черен, и называется *sysle kələpuz*, т. е. «пакля в калябуше». Верхушка тюбетея прострачивается более сложно, разделяя верх на шесть кривых секторов, которые прострачиваются в свою очередь веерообразно, как это изображено на рисунке № 14. После строчки верха, длинной проволокой, легко сгибающейся иглой протодергивают между швами в длину особую легко свитую из кудели веревку. Эта часть работы, производимая особой группой мастериц, носит название «*utkəry*», т. е. просовывать. А упомянутая веревка носит название «*utkəry çeve*», т. е. просовываемая веревка.

Вышитые и простеганные тюбетеи и т. п. головные уборы подвергаются двум последним операциям: посадке

и пришивке кисточек и галуна. Посадка состоит в сшивании околыша с верхом и расправке готового изделия на колодке (болване). Затем тюбетей и чапашки обшиваются кругом позументом, к верхушке пришивают иногда кисть (на более дорогих сортах), и весь процесс производства окончен. После этого особые работницы тюкуют товар по сотням одинаковых сортов. За единицу работы в этих процессах считается и до сего времени сотня.

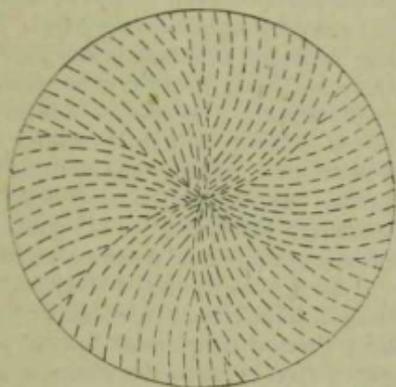

Рис. № 14

В конце XIX ст. эти процессы работы оплачивались следующим образом: «прострочить на машине сотню стоит от 70 к. до 1 руб. и 1 руб. 50 к., смотря по материалу, чем выше материал, тем работа тщательнее. Ручная строчка ценится дороже. При строчке идут нитки от работницы; нитки употребляются не на катушках, а покупается цветная бумага, пасмами, 20 к. $\frac{1}{4}$ ф. На сотню идет одна четверть. Для низших сортов бумагу покупают белую, которую сами работницы окрашивают. Набить сотню паклей—пакля работницы—стоит 70 к. Сшить и выправить сотню на болване—1 руб. Пакли на сотню идет 10 ф. по 5 к. ф. Когда работницы покупают бумагу и паклю в кредит у того же лавочника, от которого получают работу, то бумага ставится по 30—35 к. за $\frac{1}{4}$, а пакля 7—9 к. за ф. Деньги вычитаются при расчете за работу. Иногда нитки и пакля бывают от подрядчиков, и тогда плата за работу

уменьшается»⁷⁹. Плата за работу высчитывается отдельно по процессам: за строчку, набивку, посадку и т. д. Делается это потому, что и раньше ее выполняли не одна, а две-три работницы. Так, охотнее за строчку брались те, у кого были свои швейные машины; шить и выправлять — не имеющие машин. Старухи же, зрение которых непосильным трудом ослаблено, всегда составляли главной контингент конопатчиц. Иногда отдельные мастерицы брались целиком за изготовление тюбетеев и даже расшивали их золотом (полумесяц и звездочки). В таком случае цена за такие совсем готовые тюбетейки из хорошего материала доходила до 7—8 р. за сотню, при чем материал и мишура были хозяйские, а нитки и пакля — работницы.

Низкие цены за работу в этой стадии тюбетеечного производства объяснялись также наличием большой конкуренции со стороны деревенских мастериц. Последние, по данным Криваксиной (1892 г.), «за полное изготовление сотни из простой материи, если пакля и нитки работницы, берут 3 руб., 3 р. 50 к.» В среднем Казанская городская «хорошая работница зарабатывает в день, считая его в 15 часов, с перерывом на приготовление пищи, уход за детьми и пр. — следующую сумму: строчка на машине 20—25 штук — 10—12 к. Набивка паклей 25—30 штук — 7—8 к. Шитье и выправка на колодке 10—15 шт. — 10—15 к. Полное изготовление и вышивка золотом 2—3 шт. — 15—20 к.»⁸⁰ В настоящее время (1929 г.), в кооперативной артели «Азатхатын» заработок кооперированной работницы в условиях советского государства значительно поднялся. Размеры сегодняшнего заработка этих работниц далеко ушли от тех каторжных условий труда и его оплаты, которые, по словам газеты «Волжский Листок» в 1905 г., были следующими: «Работница за набивку пакли и шитье ста штук чаплашек получает всего 20—30 коп., при чем только молодая, хорошая работница с раннего утра и до глубокой ночи в состоянии сшить всего 50 шт. чаплашек, вырабатывая таким образом 10—15 к. в сутки и при условии, если работница будет шить, не отрываясь... И в довершение всего почти ни одна работница не получает расчета наличными деньгами: ей платят товаром из лавки заказчика и преимущественно ситцем. Стоимость этого ситца, всегда лежалого и нередко даже прямо гнилого, не превышает 12—

13 коп. за аршин, а его ставят в счет работницы по 16—18 коп. Теперь вопрос, куда деваться с ситцем, который работнице вовсе не нужен, ей нужны деньги, чтобы поесть самой и накормить ребят. Приходится ситец продавать. Его охотно берут приезжающие на базары крестьяне, но дают не более 5—7 коп. за аршин. Вот условия этого каторжного труда»⁸¹.

Наша характеристика современных условий этого производства была бы не полной, если бы мы не остановились несколько на описании условий работы в первой казанской женской кооперативной артели по производству вышитых головных уборов «Азад-хатын» («Свободная женщина»). Посещенная мною в 1929 г. мастерская артели помещалась в Ново-Татарской слободе в верхнем этаже небольшого двухэтажного деревянного домика. Помещение мастерской занимало 5 комнат, из которых четыре были отведены мастерицам, разбитым по процессам производства, а одна комната составляла приемную готовых изделий и склад материалов. В передней приветливо и красочно разбросал свои плакаты и алые знамена красный уголок. В мастерской работало 25—30 работниц, а на дому 125 человек. Такое незначительное количество мастериц, работающих совместно в одной артельной мастерской, объяснялось, главным образом, их семейным положением. Ведение домашнего хозяйства, уход за детьми, — все это пока не дает возможности женщине-татарке уходить на работу из дома в мастерскую. Вот почему я встретил в мастерской большею частью молодежь или пожилых женщин-одиночек, или имеющих у себя дома помощь в хозяйстве со стороны других членов семьи. Однако, работающие на дому члены артели говорили мне, что они охотно стали бы работать в общей мастерской, если бы при ней были устроены ясли. В числе работниц была еще слаба прослойка комсомола — всего 2 комсомолки на всю мастерскую.

Теперь комсомолок стало более десяти. За работой девушки и женщины очень часто поют песни. В этих песнях, сложенных самими работницами, отражаются их бытовые условия работы, радости и печали.

Бодрой ноткой звучит веселая песенка молодежи:

- 1) Jaңa Bistə qzlarь cigy ciger aqca ala
Cigy ciger kienep şular jəri vaqçada.

(Новой Татарской слободы девушки, вышивая, зарабатывают деньги,—

Вышивая, одеваются, ходят гулять (в саду).

А в маленьком чистеньком домике, неподалеку от помещения артели, старая вышивальщица Биби-Гайша Назмутдинова, 78 лет, с 69-летним трудовым стажем, вспоминает прошлое, эксплуатацию ее «тюбетеечными королями» Мукминовым, Сабитовым, Сагадеевым, которые на ее труде не только наживали жирные куши, но и получали золотые медали на выставках. Улыбается широкое морщинистое лицо Биби-Гайши, руки проворно шьют замысловатый узор на шапочке для артели. Вспоминает она мне две старые песенки:

2) Biek, biek cardaqtā, cıgı cıgā qız vāla
Cıgı cıkkān qız vālanı xodāı vızdān qzōqana.

(На высоком-высоком чердаке вышивает девочка;
Девочку, занимающуюся вышивкой, богу жалко нам
отдать).

3) Vaşmdaıq taqıamne ver sıtām dā ver eşlim
Eşlārgā tauarām vıtte inde xāzer mın nışlim.

(Такую головную снова и снова переделываю.

Для работы кончился товар, что я теперь буду делать).

Вихрь революции захватил в своем порыве и старую Биби-Гайшу. Она — активный член артели. Она интересуется культурной работой и даже участник экскурсий.

Татарский союз промысловой кооперации Татпромсоюз, в периферии которого работает артель «Азад-хатын», в настоящее время ведет большую организационную работу по перестройке промкооперации Татарстана на новых началах, вытекающих из общих задач социалистического строительства.

Очищая промкооперацию от остатков кулацких — капиталистических элементов, Татпромсоюз уже в текущем 1931 производственном году широко кооперирует трудовые элементы кустарей в ижежном и тюбетеечном производствах, в артелях «Азад-хатын», «Тукай» (Арский район), «Кзыл-кустарь» (Казань), «Сигнал» и «Кабан». В этих артелях организованы большие общие производственные мастерские. В 1931 году на расширение и механизацию трех мастерских в артелях «Тукай», «Сигнал» и «Кабан» Татпромсоюз затрачивает из своих средств 129.000 р.

В своем ориентировочном пятилетнем производственном плане Татпромсоюз придает новое направление производству ичег—«азиатской обуви», превращая это производство по преимуществу в экспортное.

Так, если по плану 1928-29 г. намечалась выработка 122.000 пар тат. вышитой обуви, то в 1931 году производится уже 250.000 пар, в том числе 100.000 пар экспортной.

В 1932 году планируется производство 300.000 пар (150.000 пар экспортной), а в 1933 г. производство экспортной обуви в 200.000 пар уже превысит на 50 тыс. пар производство для внутреннего снабжения.

Одновременно Таткустпромсоюз намечает ряд мероприятий, которые должны будут рационализировать изучаемые нами производства, удешевить их себестоимость и повысить качество при одновременном росте заработной платы занятых в производствах рабочих.

Так, в условиях диктатуры пролетариата, один из старейших промыслов Татарстана, являвшийся в прошлом одним из средств жесточайшей эксплуатации трудящихся русским и татарским капиталом, превращается в социалистическое производство. Значительная масса бывших «кустарей» и «ремесленников», особенно женщин-татарок, из темных, забытых физически и духовно искаленных рабочих «капиталистической работы на дому», вместе со всем рабочим классом и трудовым крестьянством СССР превратилась в свободных и культурных строителей социализма.

Бибигайша Назмутдинова.
Рис. В. Вильковской. Казань, 1930

Tatarstanıñ Kustarcıyq promıjšlonnozı.

- Ajaq h m vaş kiemn re eşl p c jaru.

(Qsqaca ect lege).

Tatarstan xalqı arasnda bik iske zamannardan kilg n h m, bigr kt  elkke vaqtlar da, iñ kyp taralojan h n rl rd n brse bulojan—cigilg n vaş kiemn re h m qajulı ajaq kiemn re eşl p c jarunı  jr nrg  kreşk nd  aftor bu  jr nyd  marksizm—lininizm mitodologi sen qullanroja kir klegen  jtep yt . Aftor bu h n rneñ okt br rivolytsi sen  q d r bulojan yseşen alıp, kapitalizm şartlarnda  jd  eşl yneñ v ten ajrmnqların: a) eşne  jd  alıp varoqanda eşl ycel rneñ kapitalislar v n turıdan turı totaşmıjca aralarnda taqıbn bik kyp totaştrucılar (posridniklar) bulubn; b) iksploatatsia sistimıbn taqıbn da k cler k ik nen; c) eş xaqıbnıñ kybesn  aqcalata tygel, v lki  jvrl t  tyl nyen; ç) eş şartlarıbnıñ saulıq (gigiena) jaqınnan bik nacı qıjılubn; d) eş k nenen ciksez ozıbn bulubn; e) eşl p c jaruda xat n-qzlar h m bik j sl j balalar k cen qullanu urıbn totqanıbn-kyrs tyne yzneñ vurıbı itep ala.

İknce glavada aftor bu h n rneñ kilep c ju tarixı, şulaj uq anı  jr nyneñ tarixı turnda s jli. Bu h n rneñ kilep c jubn aftor IX—X j l rd ge volga vıjı volojarları kul'turasına qajtara. Annan son XVI nce j z Moskovia ruslarnda vaş h m ajaq kiemn re eşl p c jaruda şul uq h n rneñ ezl ren tava. Qazan tatarlarıbnıñ bu n rs l rne (citek, taqia h. v.) eşl yen brnce mrt v , Rusi d  XVIII nce j zd  bulojan, s jaxlar kyrs tep yt l r (I. Giorgi, Fal'k). Qazan profisorı Karl Fuks vaşlap 1844 nce jılnı bu n rs l rneñ v j l ren h m aların eşl p c jaru eş Qazanda ni d r ç d  qıjılubn jaza. Şundıj uq kyrs tm l rne 40 n c jıllarda Rusi d  j rg n nimes s jaxı A. Gastgauzinnıñ Tvir gubirnası Torzok ş h re h m Qazanoja qarata  jtlg n syzl rnd  ocra-tavız.

60—70 nce jıllarda bu h n r Qazanda inde tatar kupis ları (G ief h m vaşqalar) nıñ mıg  çitk n eşcel re bulojan

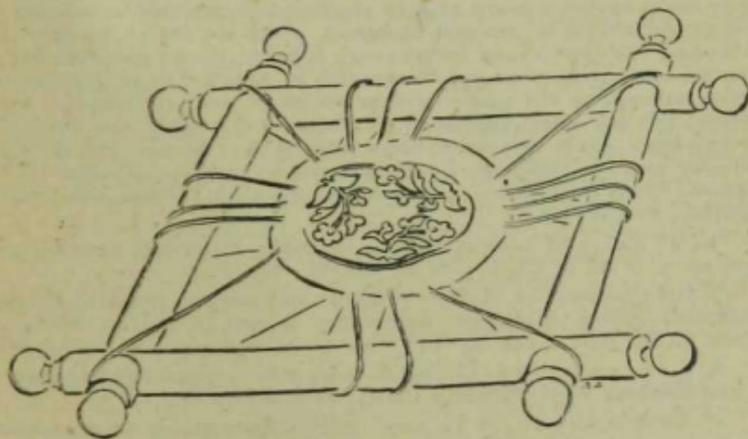
fabriklarında asbq prombışlonbş tös ala. Rbşlofnbş isäve vujnca 1886 ncb şlnb Qazan häm ana kyrşe avıllarda oşna şlnbna 3 million parşja jaqbn 5 milion sumnbq citek eşlängän. Bu eşkä podrödcik häm eşlängän ajaq kiemen satıp alıp juçıcılar, jörycelər taraennan soñ döräçädä çövrönyuce 2000 gə jaqbn xatbn-qyb häm 500 ləp ir qatnaşqan buloşan. XIX ncb jözneñ axrına bu hönärdä eşläycelärneñ sanb 12 mөngə çitə 1910 ncb şlnb mөndbş ajaq kieme eşlätep satucb tatar säydə firmalarbnnbñ sanb 34 ləp sanala, alar 43 kibet totalar. Öktəvr rivolytsiäse bu vaq prombışlannos tarmaoşndaoşb kapitalis' pridprinimatillərne də vtrde. 1926 ncb, 1929 ncb şllardaoşb san alu matiriallarb kyrşətyenä qaraoşanda Tatarstanda bu proizvodstvoda 6 mñnəp kşe eşli häm varsbda diärlek tatarlar. Şularnbñ jartbşnnan artbşb kooperatif artillərənə oşqannar.

II—nce glavada—aftor şul türbdəoşb ədəviatta buloşan matiriallar häm yzened 29 ncb jloşb tikşeryläre vujnca, qajulb ajaq kieme xəzrləy dəgə eşləp çöjuru protsisbnnbñ tixnikasb häm ikonmikasb turnda jaza. Aftor xatbn-qzlarnbñ tərle tətəgə cuar əlgelərne ajrım ostalbq vlən nər vrsenə jal-oşar ajaq kimnədre tgyenə häm alarnb əllə nicə tərle çep, çfək, altbn häm kömeş uqa vlən cigylərənə ajrım tulb tuqtala. Bu hönärneñ bik tyvən döräçädəgə tixnikasb vlən tanştrojac, aftor eu proizvodstvodaoşb eşce xatnqzlarnbñ rivolytsiägə qədər nindi şartlar ecndə eşləylərən, podrətciklər häm satıp alıp çiuçılar tarafnnan cikcez çövrənyölərən oştep misallər vlən kyrşətep ytə. Öktəvr rivolytsiäsnnən soñ ul xatnqzlarnbñ xələ vətnnəj yzgərə, alar kooperatif ərtillərənə oşbşp normal' eş xaqb ala vaşlbjlar. Bu xəl alarnbñ tormşlarbn da yzgərtə häm alarnbñ jaña çrlarnda da kytərnkə rux jañoşri casnbş pritpnimatillərneñ btyenə, yzlərənən jaña forma xz-mətkə kycylərənə quanu kyrenə.

III—nce glavada—aftor uqa vlən cigep vərxttən vaş häm ajaq kiemnərə eşləp çöjuru protsislarbnnbñ tixnikasb häm ikonmikasbna tuqtala. Bu proizvodstvo: vərxtne kisy, kəqəzdə kisep ырnəklər xəzrləy, ajrım kisəklərne kirgegə kiery. cigy, ciglgən nərşälərne tgy häm srəp çöju, qalplau, vətnnəj əzer ity, sortb-sortb vlən tykləp byly şiklle 9 protsisqa bylenə. Bu hönərgə qotnaşucylarbnñ vətnnəje diärlek rivolytsiägə qədər cikşez izeləp çövrənəp kilgən tatar xatbn-qzlarnnantora. Rivolytsiadən soñ alar xatn-qzlar əcen məxsus kooperatif

ərtillərəne ojbəşp eşlilər. Şundəj ərtillərnen brse buloşın «Azat xətn» ərtilənə aftor ajrəm tulb tuqtala. Eşce xətn qzlarənyñ tormşlarə həm nəstrojenialərə, alarənyñ eş vaqtında çrlaşan ver nicə ç r arə vlən kyrsətələ.

Yzenə tikşeryenə nətiçəsndə aftor iske primitif tixnikaçə nigzləngən bu hənəroen ysye tatar xətn-qzə simiə qolləşnən azat ity həm iekonomik jaqtan yz vaşəna kən kyrrlek xəlgə çitkeryneç tər carasə dip qaraudan jraq torəşənyəşyn əjter ytə. Bu pəvlimanə SSSR sotsializm pəroməjšlənnoşnyñ ciksez aşəşəç timplər çişələ, pəroməjšlənnošta eşce xətn-qzlar kadrb kənnən kən arta, şular arasnda tatar xətn-qzlarənyñ sanəda ysə. Ləkin ələ vyngə kəndə şul primitif kustarcəlyç pəroizvodstvəşyn ratsionallaştru həm mixaniklaştru vlən də vez tatar xətnqzlarənyñ ver əleşən pəroməjšlənnoşqa tartuoçə jərdəm itəvez—həm alarənyñ azat xzmətnəç kymək formalarəna əjrtəvez.

Кизге—Пилыгы.

Рис. В. Вельковской, К. 1930 г.

П Р И М Е Ч А Н И Я.

1. В. Л е и н, III. „Развитие капитализма в России“ (Изд 1923 г.) стр. 269.
2. Там же, стр. 360—363.
3. Р ы л о в, Михаил Амфилович, «по народному выговору: Михайла Анафимович... по ремеслу был кожевненным мастером на заводе Алафузова в Казани. Хозяин дорожил им, как хорошим мастером, которого найти трудно. Получая полторы тысячи рублей в год на весь готовом от фабриканта, имея кучу малолетних детей, М. А., когда начала издваться в Казани «Камско-Волжская Газета», решил, рискуя своим положением и обрисовал в ряде заметок за подписью «Антон из-за Булака» беспощадную эксплуатацию рабочих-кожевников Алафузовым. Тогда взбешенный миллионер помчался в СПб и при помощи своих связей и денег добился уничтожения для этой газеты местной цензуры. Газета, которой пришлось посылать статьи на цензуру в Москву, где они лежали по полугоду и более, вынуждена была прекратить свое существование. Изгнанный из завода Рылов очутился в таком положении, что ходил пешком в Сибирь для прискания местечка». (Из рукописи: «Выборка из сборника фамилий, чем либо замечательных, как с серьезной, так и курьезной стороны, состав. Сибирским казаком. Фамилии Волжско-Камского района». (Статья М. А. Рылова. «Забитая отрасль труда» помещена в № 279 газ. «Волжский Вестник» за 1886 г.).
4. Ч у л к о в, М. «Историческое описание Российской коммерции и т. д.» т. I, кн. I. СПб. 1781 г., стр. 64—65, 121.
5. К о с т о м а р о в, Н. Исторические монографии, том XIX. «Очерк домашней жизни и нравов великорос. народа в XVI и XVII ст.» 3 изд. СПб. 1887 г. стр. 87—88. Там же даны ссылки на источники.
6. Г е р б е р ш т е й н, С. барон. «Записки о московитских делах» и т. д. Перевод А. И. Малеина. СПб. 1908. стр. 250.
7. К о с т о м а р о в, Н. ук. соч., стр. 99. Даже во время парада боярин надевал тафью, на тафью колпак, на колпак горлатию шапку...(стр. 100).
8. Г е о р г и, И. «Описание всех обитающих в российском государстве народов и т. д.» СПб. 1799 г. ч. II, стр. 10. Е го же. «Vetterkungen einer Reise u. s. v.» 1775. 2 Band. S. 819.
9. Г е о р г и, ук. соч., ч. II, стр. 12—13.
10. Г е о р г и, ук. соч. ч. II, стр. 132.
11. З а д к и н, Г. «Г. П. Каменев» (1772—1803). Опыт имущественной характеристики первого русского романтика. Казань. 1926 г., стр. 65.

12. Фукс, К. Ф., Казанские татары в статистич. и этнографич. отношениях. К. 1844, стр. 28.
13. Фукс, ук. соч., стр. 33—34.
14. Фукс, ук. соч., стр. 14.
15. Фукс, ук. соч., стр. 15.
16. Гакстгаузен, Август, барон, «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Пер. с нем. и изд. А. И. Раговина». М. 1870 г. т. I, стр. 326.
17. Рыбушкин, М. С. «Краткая история г. Казани». К. 1848, ч. II, стр. 35.
18. Фукс, ук. соч., стр. 125.
19. Обзор кустарных занятий в Казанской губернии. Издание Казан. Отделения имп. Русского Технич. О-ва. К. 1896, стр. 55. Это предание подтверждает Абдурахман Курбангалеев (артель «Таткредит» 1929 г.), отец которого долгое время служил в фирме Галеева.
20. Чернов, И. Указатель города Казани или памятная книжка для жителей Казан. губ. на 1841 г. и т. д. К. 1840. Отд. VI, стр. 35.
21. Там же, стр. 35
22. Гакстгаузен, ук. соч. стр. 9—10.
23. С. А. Давыдова. Труды комиссии по исслед. куст. пром., выпуск XV.
24. Гакстгаузен, там же.
25. Лаптев, Казанская губерния. СПб. 1861 г. стр. 424.
26. А. Ф. Россоловский «О производительной и промышленной деятельности г. Казани.» в № 38—39 «Казан. Губ. Ведом.» за 1854 г.
27. Соловьев, Е. Т. «О торговле и промышленности Казани. Статистический очерк.» в № 2 «Изв. И. Р. И. С.» за 1875 г. и отд. оттиском.
28. Монастырский, С. «Иллюстрированный путеводитель по Волге в 3 частях и т. д.» Казань. 1883., стр. 169, прим 3.
29. «Каталог Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. Ремесленный отдел». К. 1890 г., стр. 73 и «Каталог Казанской ремесленной и сельскохозяйственной выставки 1886 г. К. 1886» стр. 100—101.
30. Там же (Каталог 1886 г.), стр. 102.
31. Рылов, ук. соч. В 1901 г. И. Н. Сырнев, пользуясь данными Рылова и не указывая времени, к которому они относятся, помещает их в географ. сборнике «Россия» т. VI, стр. 250.
32. Износков, Список населенных мест Казанского уезда с кратким их описанием. К. 1885.
33. Обзор кустарных занятий в Казанской губернии Издание Каз. отд. И. Р. Т. О. К. 1896 г., стр. 58.
34. Косолапов, В. Н. Кустарные промыслы Казанской губернии. Вып. VIII. Промыслы по обработке кожи. Изд. Каз. губ. земства. К. 1905., стр. 27—31.
35. Косолапов, ук. соч., стр. 27—28.
36. Там же, стр. 31.

37. Медкая промышленность Казанской губернии. Изд. Каз. Губ. Земства. К. 1911, стр. 254.
38. Там же, стр. 334.
39. По сравнению с данными 1835 г. число работающих дворов увеличилось за 25 лет в 10 раз.
40. Там же, стр. 255.
41. Там же, стр. 263.
42. «Вся Казань» Справочная книга на 1910 г. К. 1910. Отд. IV, стр. 24, помещен. список.
43. Перцов, В. В. «Очерк статистики и экономики Каз. губ». К. 1919, стр. 54.
44. Дубенский, М. М. Среднее Поволжье. ГИЗ. 1927, стр. 63—64.
45. Цифры эти получены во время беседы 1/VIII 1929 г. со статистиком Таткустпромсоюза т. Ефимовой.
46. Давыдова, С. А. Производство кружеа в Казан. губ. в «Трудах Комиссии по исслед. кустарных промыслов в России» СПб. 1886. Вып. XV, стр. 102—103.
- Ее же. «Казанская и татарская работа в тачку» в сборнике «Кустарная промышленность России. Женские промыслы». СПб. 1913 Стр. 218—230
47. О женском кустарном труде в г. Казани. Извлечение из доклада Криваксиной в Казанском О.И.².Т.О.-ва Казань. Тип. Губ. Права. 1892 8^о. 13 стр. Мне известен только один экз. этой редкой брошюры. принад. библиофилу А. М Вилькен, с любезного разрешения которого он использа. в наст. работе.
- 47а. Половцева Ек. Татарское золотошвейное производство. в «Кустар. промысл. России. Женские промыслы». СПб. 1913. стр. 264—276.
48. Русскими это слово выговаривалось по-разному: ичеготы, ичегтыги, ичетки и т. д. У тобольских татар вместо слова ичеги употребляется «*ناتو*» — См. Гиганов, И. «Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому яз. и т. д.» СПб 1801. стр. 17.
49. Обзор куст. пром. Казан. губ., стр. 57.
50. «Лек-пята (абакан. нар.)» См. Вербидский, В. Словарь алтайского и алаудского нар. тюрк. яз. К. 1884, стр. 63.
51. Из записей Д. А. Сапер, любезно мне сообщившему в янв. 1930 г.
52. Рылов, ук. соч. Ср. Обзор., стр. 57.
53. Чулков, М. Ист. рос. коммерции. СПб. 1786. т. VII, кн. II, стр. 70.
54. Сообщено мне 5/VIII 1929 г. руководителем обувного производства артели «Таткредит» в Казани, Хабибуллиним.
55. Записаны 5/VIII 1929 г. от Абдрахмана Курбаигалеева и старой мастерицы Шамсикамар Вафиной из б. Пороховой слободы в Казани.

56. Из беседы с Г. Абдуллиным от 2/VIII 1929 г.
57. Рылов, ук. соч.
58. Давыдова, ук. соч. стр. 102—103.
59. Беседа с мастерицей Шамсикамар Вафиной 5/VIII 1929 г.
60. Давыдова, там же.
61. Воспоминания Тимурши Соловьева, в Казани.
- 61/а В издании 1894 г. «Xolǝsatel mǝsail vavı so'er,» 34—nce bit, сказано: dıncıznıç ver nǝrsǝse vǝn, ver jul vǝndǝ faldalanu jaramıj. Vagı ajaç kiemlǝre eşıyucelǝrgǝ annan vaşqa eşlǝrgǝ mǝmkın vılmaqançqa sǝnı ıǝn faldalanırgǝ rǝsxǝt. Это значит: Использование свины ни в коем случае не разрешается, за исключением шитья обуви сапожниками по необходимости. Автор этих комментариев Мохаммат виль Әхмәт Әлқәдүри Әлвақадә Әлхәпәһи умер в 428 г. гиджры. (Любезно сообщено т. Хабибуллиным из биб-ки Тат. Научн. Ис. Эк. И-та.
62. Обзор, стр. 60—61.
63. Сведения сообщены мастерицей, членом артели «Таткредит» Шамсикамар Вафиной, живущей в г. Казани, в слободе Восстания по Караваевской ул., в д. № 3.
64. Давыдова, там же.
65. Рылов, ук. соч. Этих подрядчиков помнят и сведения о них Рылова подтверждают мастерицы Вафина и Зайнуллина.
66. Каталог Казан. ремесл. и с'х выст. 1886 г., стр. 100—101.
67. Рылов, ук. ст. В 1892 г. заработная плата мастериц оставалась такой же, как и в 1886 г. Ср. Криваксина, ук. соч. стр. 5—6.
68. Записана в Казани 5/VIII 1929 г.
69. Золотницкий, Н. И. Корневой чувашско-русский словарь и т. д. К. 1875 г., стр. 102—103.
70. Золотницкий, ук. соч. стр. 238.
71. Риттик, Казан. губ. II, стр. 53, Сбоев, Чуваши, стр. 35. Золотницкий, ук. соч., стр. 238.
72. Золотницкий, там же.
73. Это слово от турецкого гер, алт. кер, что значит натянуть поперек, растянуть; у чуваш—пьяльцы, решетка перила—карлач. Си. Золотницкий, ук. соч. стр. 31—32.
74. Золотницкий, ук. соч. стр. 53.
75. Катанов, Н. Ф. Материалы к изучению казан.-татар. наречия, ч. II. Песни № 77, 78, 87, (стр. 98—99).
76. Криваксина, ук. соч., стр. 5.
77. Там же, стр. 6.
78. Там же, стр. 6.
79. Там же, стр. 4.
80. Там же, стр. 4—5.
81. «Волжский Листок» № 221 от 5/VI 1905 г.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

На отдельных листах:

Страницы:

1) Пошивка ичег в татарской женской артели. Рисунок А. А. Шишова-Лукинского. Казань 1930 г.	—
2) Ичег, седла и другие расшитые кожаные изделия татарского образца, употреблявшиеся в Московии XVI ст. (из Латинского издания «Записок» Герберштейна, 1556 г.)	—
3) В мастерской вышивальщицы Зейнаб Башировой в Казани (1927 г.). Фото из материалов П. Дульского	—
4) В мастерской по пошивке туфель мастера Низамутдина Шарифутдинова в Казани (1927 г.). Фото из материалов П. Дульского	—
5) Посадка ичег на колодку мастером Каримом Гизатуллиным в Казани (1927 г.). Из материалов П. Дульского	—
6) Посадка тюбетеев на колодку мастером Закиром Исмагиловым в Казани (1927 г.). Из материалов П. Дульского	—
Татарка за золотшвейной работой. Рис. В. Вильковской. Казань (1930 г.)	43

В тексте книги:

7) В кооперативной артели по производству ичег. Казань (1930 г.). Рисунок-заставка А. А. Шишова-Лукинского	5
4) <i>tez aqas</i> — «палка» для вышивающих ичег.	28
5) Прикрепление ремня — <i>tez qajse</i> у вышивальщицы ичег.	29
6) Верхняя часть ремня — <i>tez qajse</i>	30
7) Схема шва при тачке ичег.	—
8) Член артели «Азад-хатын» Биби-Гайша Назмутдинова, 78 л. Рис. В. Вильковской. Казань (1930 г.).	40
9) Пяльцы — <i>kiqge</i> — для вышивания тюбетеев.	42
10) Таблица узоров для вышивания тюбетеев.	44
11) Таблица узоров для вышивания катауш.	47
12) То же.	—
13) Схема швов при вышивании золотом.	46
14) Схема строчки верха тюбетеев.	51
15) Биби-Гайша Назмутдинова. Концовка В. Вильковской, (1930 г.).	56
16) <i>Kiqge</i> — пяльцы. Концовка В. Вильковской, Казань, (1930 г.).	59